

Александра Маринина
Стилист
Серия «Каменская», книга 13

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148394
Маринина А. *Стилист*: роман: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-05401-4

Аннотация

Владимир Соловьев, человек, в которого когда-то была влюблена Настя Каменская, ныне преуспевающий переводчик и глубоко несчастный инвалид. Оперативная ситуация потребовала, чтобы Настя вновь встретилась с ним и начала сложную психологическую игру. Слишком многое связано с коттеджным поселком, где живет Соловьев: похоже, здесь обитает маньяк, убивший девятерых юношей. А тут еще в коттедже Соловьева происходит двойное убийство. Опять маньяк? Или что-то другое? Настя чувствует – разгадка где-то рядом. Но что поможет найти ее? Может быть, стихи старинного японского поэта?..

Содержание

Туго натянутая струна	4
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александра Маринина

Стилист

Туго натянутая струна

«У нее есть дело, и она его делает. Как умеет», – такими словами заканчивается роман Александры Марининой «Стилист». «Она» – это, разумеется, главная героиня криминальной саги писательницы – Анастасия Каменская, своего рода «alter ego» автора. Критики, пишущие о «феномене Марининой», львиную долю своих размышлений посвящают именно Каменской. Да и сама А. Маринина не прочь порассуждать в многочисленных интервью о своей героине. Стало общим местом упоминание о фантастической лени Насти, о ее не менее фантастическом умении превращаться из невзрачной тихони в умопомрачительную красавицу, о ее гастрономических пристрастиях (кажется, кофе и сигареты), о ее холодно-отстраненности от всего (в том числе и от искренне любящего ее мужа), что не касается ее профессиональных интересов, ее дела.

Пожалуй, имеет смысл отвлечься от чисто внешних, лежащих на поверхности, деталей и присмотреться к делу Насти Каменской, к тому, что, собственно, оно для нее значит. Думается, что, заглянув в «лабораторию» старшего оперуполномоченного Каменской (разумеется, лишь в первом приближении, не охватывая всего свода романов), мы отчасти приблизимся к пониманию феномена Каменской, а заодно и феномена Марининой.

Наверное, самое трудное в детективном романе – создать убедительный человеческий облик сыщика. Можно припомнить немало романов (особенно далеких теперь советских времен), в которых авторы старательно «утепляли» образ своего «Мегрэ», нагрузив его в придачу к чисто служебным обязанностям еще и женой-занудой (варианты: жена и дочь, теща, старики-родители...) Расследуя очередное преступление, он время от времени вспоминает жену и даже звонит ей, чтобы получить дежурную взбучку и вновь приняться за опасный и трудный розыск. Надо ли говорить, что подобные ухищрения выглядят ужасно ходульно и ничуть не «очеловечивают» сурового сыскаря, вернее, ту романную функцию, которую он олицетворяет. Его условность только подчеркивается этими псевдодостоверными деталями.

Каменская тоже погружена в быт, причем автор не скупится на подробности (муж, кухня, косметика, здоровье, одежда, родители, общественный транспорт и т. п.). Детективная интрига любого романа о Каменской буквально тонет в них. Но вот Анастасия берется за дело, и в сюжете мгновенно натягивается какая-то чрезвычайно чуткая и звонкая струна. И вдруг оказывается, что все это довольно монотонное, будничное существование, все эти приметы быта чуть ли не обязательное условие для дела Анастасии Каменской, для ее внезапных и пронзительных озарений. Впору припомнить тысячекратно цитированные строчки Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Ведь Каменская не делит жизнь на личную и служебную, не проводит границы между преступником и обычным человеком, между миром обывательских будней и миром криминала. Жизнь для нее – единый нечленимый поток, и максимальная погруженность в нее питает аналитические способности Каменской. Потому-то так органичен и достоверен быт, на фоне которого разворачивается детектив Марининой: он равноправный участник захватывающего, как правило, сюжета. Из бытовых деталей, из каких-то чуть ли не физиологических ощущений начинает стремительно вырастать яркая и неожиданная версия. И тогда забывается все, забывается горечь, что в свое время выбрала эту работу, отдала предпочтение «зловонным трупам, плачущим пострадавшим и сомнительным радостям разоблачения преступников». Стоит обратить внимание на

слово «сомнительным». По Каменской (эта мысль не раз звучала и из уст А. Марининой), преступление может совершить кто угодно. Та или иная ситуация, стечение обстоятельств, в конце концов, нелепая случайность, и человек совершает преступление. Но становится ли он при этом преступником? Что в нем остается от человека? Ведь не так уж и часто среди преступников встречаются отъявленные «отморозки». Вот это интересно Каменской. Это интересно Марининой. Пройти по следам человека и уловить тот миг, тот мотив, ту ситуацию, которая заставила его преступить закон. Ведь человек этот такой же, как ты и я... Потому-то так органичен и неизбежен в своей неэкзотичности быт Анастасии Каменской. Автору нет нужды дополнительно «утеплять» ее образ. Да и не только ее. Вот замечательное по своей тонкости и точности наблюдение: «Николай Селуянов был влюблен, впервые за несколько лет чувствовал себя счастливым, а потому, как и многие влюбленные, хотел, чтобы всем было хорошо и все окружающие были тоже по возможности счастливы». Это уже удача не Каменской, а Александры Марининой, это и есть те самые житейские подробности, которые делают литературный персонаж живым человеком.

«За столом могу сидеть сутками: писать, анализировать, составлять таблицы, графики. Для меня в этом ни с чем не сравнимое наслаждение» – это признание А. Марининой, прозвучавшее в одном из ее интервью. «Она обожала свою работу, готова была не спать неделями и не уходить в отпуск, если надо...» – а это уже об Анастасии Каменской. Разумеется, не надо отождествлять автора с его героем. Гораздо важнее, что писательница убедила нас, что ее героиня относится к делу не как к докучливой рутине, а как к творчеству. А творчество требует всей жизни, со всеми ее неурядицами, проблемами, плохой погодой, удачами, обретениями и потерями. Всей жизни, без остатка...

Владимир ЧЕРНИКОВ

Любое совпадение имен и событий этого произведения с реальными именами и событиями является случайным.

Глава 1

В последние месяцы он перестал любить ночь. Он начал ее бояться. В ночное время особенно остро ощущались беспомощность и уязвимость. В наступающей тишине каждый звук, даже самый невинный, был для него предвестником невидимой, но неуклонно надвигающейся опасности. Он гнал от себя эти мысли, но они возвращались снова и снова, и не было от них спасения.

Хотя, казалось бы, чего ему бояться? Никаких ценностей он в доме не хранит, только деньги на расходы. Гонорары в тот же день кладет в банк, каждые десять дней снимая проценты. На проценты и живет. Много ли ему надо, безногому инвалиду? Да и сам он разве нужен кому-нибудь? Чего он боится?

Ответа он не знал. Но все равно боялся. Каждую ночь. И проклинал тот день, когда природа решила одарить его хорошим слухом. Не каким-то сверхъестественным, а просто хорошим. Нормальным. Сколько людей на свете, которые из-за болезней или травм начинают хуже слышать! Ну почему он не такой? Слышал бы чуть-чуть похуже – и спал бы себе спокойно по ночам. Никакие звуки не тревожили бы его. Так нет, ноги теперь не ходят, почки плохо работают, даже зрение ухудшилось, а слух – как у новорожденного. Смеется над ним судьба.

Он повернулся на другой бок, удобнее устраиваясь в мягкой уютной постели. Через неделю у него день рождения. Сорок три стукнет. Много? Мало? Кто знает... С чем он придет к очередному рубежу?

Он – состоятельный человек. Это несомненно. Двухэтажный кирпичный дом на юге Москвы, в районе коттеджной застройки. Счета в банке.

Он признанный специалист в своей области. Это тоже сомнению не подлежит. Достаточно взглянуть на книжные полки, уставленные его книгами. Его собственные труды по китайской литературе, по японской филологии, а также множество повестей и романов, на титуле которых стоит: «Перевод В. А. Соловьева». Он – уникальный филолог, работающий с двумя сложнейшими языками, японским и китайским.

Он – инвалид, передвигающийся в коляске. На костылях ходить он тоже может, но очень недолго. Из спальни – в ванную. Из кабинета – в туалет. Вот и все. Дом строили специально для него, между этажами – не лестница, а длинный пологий пандус. Хорошо, что к тому времени, как отказали ноги, он уже был достаточно богат. Деньги позволяют избежать многих унижений. И решают все проблемы. Ну, почти все.

У него есть сын. Но можно считать, что его нет. Он молод, ему всего девятнадцать, и ему не нужен отец-инвалид. Даже с деньгами и роскошным домом. Сын прекрасно живет себе в их городской квартире, водит туда девок, устраивает тусовки с выпивкой, наркотой и сексуальными излишествами. С тех пор как погибла Светлана, между сыном и отцом выросла стена. Мальчику было пятнадцать, когда он остался без матери, и все вокруг его жалели и прощали любые выходки. Ребенок получил такую травму, у него психологический шок, вы же понимаете... Надо с ним помягче, надо проявить понимание. Он проявлял понимание до тех пор, пока не увидел совершенно отчетливо, что сын нагло спекулирует их общим горем, считая, что получил индульгенцию на веки вечные. С сыном он теперь не видится.

И еще у него есть жизнь, наполненная работой, которую он любит. Работой, которая приносит доход. И эту жизнь ему придется как-то прожить, хочет он этого или нет. Потому что обрывать свою жизнь до срока он не намерен ни при каких обстоятельствах. Интересно, удастся ли ему когда-нибудь убедить себя в том, что возможность заниматься любимой работой – это и есть то самое счастье, «о котором так долго говорили большевики»? Когда было

здоровье и были любимые женщины, ему казалось, что интересной работы вполне достаточно для того, чтобы быть довольным жизнью, особенно если эта работа приносит весьма неплохой доход. А теперь, когда нет ничего, кроме той самой любимой и доходной работы, он горько тоскует по тем временам, когда ноги его были сильными, мышцы упругими и тренированными, когда рядом были женщины, которых можно было любить, становясь от этого счастливым и делая счастливыми их.

Что делать с днем рождения? Отмечать или нет? Впрочем, что тут отмечать, дата не круглая. Но люди, наверное, придут, и неудобно получится, если он окажется не готовым к их появлению. Великолепная «тройка» из «Шерхана» явится обязательно в полном составе – генеральный директор, коммерческий директор и главный редактор. Эти никогда не забывают его поздравить, у них работа с авторами и переводчиками отлажена, стараются никого не забыть и не обидеть. Кто еще? Коллеги и друзья – китаисты, японисты, переводчики, филологи, литераторы, публицисты. Раньше, в той жизни, когда он был здоров, их собиралось много на его дни рождения, Светлана была прекрасной хозяйкой, гостеприимной, веселой, приветливой, его дом был открыт для всех и любим всеми. После ее смерти он не стал отмечать день рождения, настроение было не то. А к следующему дню рождения он уже был болен. Многолетняя традиция всего за два года умерла, будто ее и не было. Вряд ли кто сейчас соберется приехать. Ну, может, двое-трое явятся, не больше. Любопытно, вспомнит ли сосед? В прошлом году он зашел случайно, кое-какой инструмент попросить, увидел красиво сервированный стол, удивился. Пришлось сказать про день рождения. Сосед вроде даже смутился, пробормотал что-то типа извинений, что ворвался в такой день со своими бытовыми проблемами, однако через час вернулся с нарядной коробкой в руках и открыткой со стихами. Стихи были по-настоящему хорошими, остроумными, с неожиданными, но очень точными рифмами. Соловьев тогда пригласил его к столу, но к тому времени уже приехали руководители «Шерхана», и сосед, услышав голоса в комнате, заходить не стал, поздравил сердечно и исчез. Интересно, припомнит ли в этом году или отнес подарок, слова сказал и из головы выбросил? Вообще-то он мужик, кажется, симпатичный, можно было бы с ним сойтись поближе, по-соседски.

Надо завтра же сказать Андрею, новому помощнику, чтобы позаботился о приеме гостей, если таковые все-таки будут. Пусть закупит хорошего спиртного и съездит в «Прагу» за готовыми закусками. Продуктами следует запастись такими, которые не пропадут, если некому будет их съесть через неделю. Не придут гости – и не надо, даже обидно не будет. За то время, что Соловьев живет в инвалидном кресле, восприятие жизни сильно у него изменилось. Нельзя обижаться на людей за то, что они избегают общения с калекой. Нельзя требовать, чтобы они приезжали к нему в гости – метро рядом нет, автобусных линий тоже нет, визит к Соловьеву доступен только тем, у кого есть машина. Да и времени эта поездка занимает...

Господи, ну почему же ему так страшно по ночам?

* * *

А юноши все продолжали исчезать. С сентября прошлого года – девять парней в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет. Разумеется, пропадали не только они. Заявлений родственников о том, что сын «ушел и не вернулся», было куда больше. Но эти девятые стояли особняком. Из всех других пропавших их выделяло то, что их находили. Но уже мертвыми. И еще одно: все девять юношей были удивительно похожи друг на друга – смуглые, черноволосые, семитского типа, с большими темными глазами. Прямо родные братья. И причина смерти у всех была одна и та же – передозировка наркотиков. По заключению судебных медиков, состояние ануса свидетельствовало о том, что эти юноши вели активную гомо-

сексуальную половую жизнь. В том, что злоупотребляющий наркотиками юноша погибает от передозировки, ничего необычного нет. Случается сплошь и рядом. И то, что наркотики тесно соседствуют с гомосексуальными контактами, тоже часто бывает. Но внешность...

Потом появилась одна тоненькая ниточка, совсем тонюсенькая, и вообще непонятно было, от того ли она клубка. На одном из проспектов, соединяющих центр Москвы с южной окраиной, работник ГАИ пытался остановить голубую «Волгу», превысившую скорость. Водитель по сигналу не остановился, и сержант ГАИ передал сведения о нарушителе на следующий пост. Однако мимо второго поста машина не проследовала. Сержант, внимательно читавший ориентировки и мечтавший о карьере великого сыщика, обратил внимание на то, что в машине вместе с водителем сидел черноволосый паренек, посему поразмыслил немного и сообщил об этом на Петровку. Когда выяснилось, что мимо второго поста голубая «Волга» не проезжала, начали поиски в соответствующем районе Москвы. Машину нашли довольно быстро – она стояла, грустная и неприкаянная, в то время как ее владелец метался по кабинетам УВД Северо-Западного округа с просьбами найти автомобиль, угнанный у него в тот день после обеда. Ближайшим от места обнаружения «Волги» жилым массивом был район коттеджной застройки с романтическим названием «Мечта». Это и было единственной зацепкой в непонятном деле об исчезающих смуглых черноглазых мальчишках. Когда через несколько дней появилось очередное заявление об ушедшем и не вернувшемся сыне, фотографию разыскиваемого показали сержанту ГАИ. Но показали по всем правилам, в числе нескольких других, на которых тоже были изображены темноволосые смуглые юноши.

– Нет, – честно признался сержант после того, как минут пятнадцать вглядывался в снимки, – типаж тот же, а конкретно сказать не могу. Скорость у машины большая была. Хорошо, что у меня зрение отличное, я хоть парнишку углядел, а лицо в деталях, конечно, рассмотреть не успел.

Но эфемерная связь пропадающих мальчишек с коттеджами на юге Москвы была все-таки лучше, чем совсем ничего. И жителей «Мечты» начали отрабатывать. Двадцать двухэтажных кирпичных домиков. Двадцать семей.

Сведения о людях, проживающих в коттеджах, ежедневно стекались на стол к старшему оперуполномоченному уголовного розыска Анастасии Каменской. Ее коллега Коля Селуянов, большой поклонник всяческих наглядных чертежей, планов и карт, сделал специально для нее огромную, во всю стену, схему застройки, под чертежом каждого коттеджа приклеив конверт, куда, по его замыслу, должны складываться сведения о хозяевах. Насте это показалось разумным, и плод селуяновских трудов она приняла с благодарностью, тут же повесив схему на стену в своем кабинете, прямо напротив стола. Но в результативность разработки этой линии ей верилось слабо.

Основные усилия оперативников были направлены на изучение окружения пропавших юношей. Должно же быть хоть что-то общее между ними! С кем дружили? Чем интересовались? Куда направлялись в тот день, когда ушли и не вернулись? Занимались ли спортом? Вопросов ставилось великое множество, на поиски ответов уходили силы и время, а результат был нулевой. Ни одного пункта, который объединял бы всех пропавших, пока они еще были живы. Ни одного. Кроме внешности. Но какую версию на этом выстроишь?

– Может, это какой-нибудь подпольный публичный дом для гомосексуалистов? – недоумевающе спрашивал Юра Коротков.

– Тогда уж для одного-единственного гомосексуалиста, – отвечала ему Настя. – Пропавшие мальчишки все на одно лицо. У разных мужчин должны быть разные вкусы. Блондины, брюнеты, рыженькие, белокожие, смуглые. Но зачем их накачивают наркотиками? Чтобы послушными были? Чтобы сели на иглу и не пытались убежать? Я бы могла это понять, если бы мальчишки были разными и предназначались для многих клиентов. Но если

все это для одного-единственного человека, то логики не вижу. Зачем ему столько партнеров? Да еще и одинаковых. Нашел бы одного и любил бы его в полное свое удовольствие.

– Ася, он же сумасшедший, это совершенно очевидно. А ты хочешь какую-то логику.

– Хочу. – Она упрямо мотнула головой. – Потому что у сумасшедших тоже есть логика.

Она не такая, как у нас, но она есть.

– И ты думаешь, что этот псих живет в одном из коттеджей «Мечты»?

– Не обязательно. Там может жить его помощник, тот, который подыскивает мальчиков. Хотя ты прав, Юрик, у сумасшедших помощников не бывает. Помощник делает с хозяином вместе одно общее дело и должен хоть в какой-то степени разделять его интересы и участвовать в прибылях.

Она помолчала, старательно заваривая кофе в стакане, размешала ложечкой сахар, достала сигарету. Глубоко затянулась, выпустила дым.

– Или это должен быть очень состоятельный сумасшедший. Который может себе позволить нанять помощника за большие деньги. Если все дело во внешности мальчиков, то он действительно совершенно сумасшедший. Смотри.

Она протянула Короткову график, на котором были отмечены даты исчезновения юношей и даты, когда их находили мертвыми в разных частях города.

– Этот, как ты изволил выразиться, псих находит следующего, когда еще предыдущий жив-здоров. И даже не один. Первый потерпевший пропал в сентябре, умер в декабре, а к этому времени пропали еще трое. Зачем он собирает у себя этот гарем, ты можешь мне объяснить? Я могла бы еще понять, если бы каждый следующий пропадал после того, как умирал предыдущий. Ну нравятся ему смуглые черноволосые мальчики, ну не хотят они заниматься с ним любовью на нормальную голову, надо посадить их на иглу. Приучил к наркотикам, держит возле себя, кладет их в свою постель. Мальчик умер от передозировки – ищет следующего. Вот в таком раскладе есть логика. А тут?

Она выразительно взмахнула рукой, очертив в воздухе непонятную фигуру.

– Почему они все умирают от передозировки?

– А может, он их специально убивает, – предположил Коротков. – Например, они ему надоедают.

– Ага, надоедают, – подхватила Настя. – И он ищет себе на замену точно такого же. А в чем смысл? Шило на мыло менять. Ладно, допустим, ему перестал нравиться мальчик, который от больших доз наркотиков теряет свою привлекательность. Но ведь следующего он снова сажает на иглу, то есть заранее идет на то, что и этот ему быстро разонравится. Он что же, собирается всю жизнь этих несчастных юношей пропускать через свой конвейер? Одного нашел, привез к себе, через месяц – другого, хотя и предыдущий еще жив и здоров, еще через месяц – третьего. А первых двух куда? Они же тут, никуда не делись. Умрут-то они еще когда... Нет, Юрочка, что-то у нас с тобой не склеивается. Не так это все происходит.

– А как?

– Очень умно, – фыркнула Настя. – Да если б я знала, как это происходит на самом деле, мы бы тут с тобой не сидели, изображая глубокую задумчивость. И вообще, давай перестанем философствовать, займемся будничными делами. Ты принес мне что-нибудь?

– Ну а как же, – широко улыбнулся Юра. – Очередную порцию биографических сплетен о жильцах комфортабельных коттеджей.

Настя никогда не понимала, как Коротков может работать с обрывочными и беспорядочными записями, при этом умудряясь ничего не напутать. Сама она относилась к информации бережно, как к хрупкой драгоценной вещи, которая при изменении только одной буквы, цифры или запятой меняет свое значение и теряет истинную ценность. Юра оставил на ее столе кучу бумажек – ксерокопии каких-то справок, свидетельств, листки, вырванные из блокнота, с записанными наспех сокращенными словами. Сама Настя была ужасно ленива

во всем, что не касалось работы, она могла подолгу не убираться в квартире, но в информации у нее всегда царил идеальный порядок. Поэтому, повздыхав горестно над сваленными в кучку бумагами, она достала чистые листы и принялась аккуратно и систематизированно записывать вновь поступившие сведения об обитателях «Мечты».

Кто в основном живет в этих дорогих домиках? Конечно же, «новые русские». Для «старых» это не по карману. Но «новые», перебираясь в просторные кирпичные коттеджи, чаще всего оставляли в городских квартирах родителей. Среди двадцати семей нашлись только три, в которых имелись проживающие в «Мечте» бабушки и дедушки, присматривающие за детьми, пока их сыновья и дочери занимались бизнесом в своих офисах. Пожалуй, решила Настя, эти три семьи можно временно исключить, вряд ли мальчиков и юношей привозят в дом, где есть пожилые родственники. Остается семнадцать. Многовато, особенно если учесть, что вообще неизвестно, есть ли какая-то связь между похищением юношей и этими коттеджами. Силы и время уйдут на тщательную отработку всех жильцов, а потом окажется, что все пустую.

Было в этом деле одно обстоятельство, которое серьезно затрудняло работу. О девяти пропавших юношах, чем-то выделяющихся из всей массы «ушедших и не вернувшихся», знали только они, сотрудники отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями Управления уголовного розыска ГУВД Москвы. И больше об этом не знала ни одна живая душа, за исключением, конечно, самих преступников. В прошлом году по всей России без вести пропали 58 тысяч человек, в позапрошлом – 48 тысяч, и в столице эта цифра тоже была достаточно велика. Никто не заметил в общей массе пропавших этих девяти черноволосых, темноглазых смуглых мальчиков. Никто, кроме Анастасии Каменской, которая любила работать с информацией и знала, как это делать. Она рассказала о своих подозрениях начальнику, полковнику Гордееву, и тот, выслушав ее, согласился, что тут есть над чем поработать. Но оснований для придания делу официального статуса было маловато. Молодых людей, умерших от передозировки наркотиков, было много. И редко кто из них умирал в своей теплой чистой постели. Зато достаточно часто это случалось там, где обнаружение трупа было нежелательным, и таких покойников старались убрать от места смерти подальше. Их вывозили и бросали на улицах, в парках, в подвалах и подъездах. Сбрасывали в реку. Оставляли за городом. Многие из них были привычными потребителями наркотиков, образ жизни вели соответствующий, по несколько суток, а то и недель, не являясь домой, так что в самой формуле «не жил дома и умер от наркотиков» заключался принцип, охватывающий довольно значительную группу людей. И объединять нескольких человек по признакам внешности никому бы и в голову не пришло. Заикнись Настя об этом следователю, он бы ее на смех поднял. А если бы не поднял, если бы усмотрел основания и возбудил дело по черноволосым смуглым юношам, то это дело и повесили бы на самого Гордеева и его подчиненных. И тогда бы уже начали спрашивать с них результат и требовать отчеты о проделанной работе. Именно поэтому работа велась потихоньку, без огласки. В рамках оперативной разработки по одному-единственному факту: по проверке причастности голубой «Волги» к исчезновению шестнадцатилетнего Димы Виноградова. А все остальное было чистой партизанщиной.

Переписывая начисто новые сведения, Настя задумчиво поглядела на листок, где крупными красными буквами было написано: «Соловьев Владимир Александрович». И ниже:

Год рождения: 1953, 5 апреля.

Место рождения: Москва.

Род занятий: переводчик.

Семейное положение: вдовец.

Совместно с ним проживают: –

Члены семьи, проживающие отдельно: сын, Соловьев Игорь Владимирович, 1976 г. рождения.

5 апреля, в пятницу, у него день рождения. Пожалуй, надо его навестить, подумала Настя. Поздравить, а заодно своими глазами посмотреть на эту коттеджную «Мечту».

* * *

Обсуждение вопросов, связанных с рекламой новых книг, было назначено на одиннадцать утра, но началось, как водится, почти в половине двенадцатого. Просто удивительно, почему люди, работающие в одной организации и сидящие в кабинетах, расположенных на одном этаже, никогда не могут собраться и начать совещание вовремя. Как будто из разных городов съезжаются. А всего-то десять метров пройти от своей комнаты до кабинета генерального директора.

Генеральный директор издательства «Шерхан» Кирилл Есипов, молодой невысокий бородач, любил свое детище и пестовал его со всем присущим ему пылом. Начинал он свою карьеру в качестве редактора крупного издательства и совершенно случайно попал на золотую жилу, на которую и сделал ставку, пойдя на риск и организовав собственную фирму. Этой жилой была литература стран Востока. Отсюда и название – «Шерхан». Кто же не помнит знаменитого тигра, обитающего в индийских джунглях, из сказки Киплинга? Начиная Есипов с серии «Восточный бестселлер», влез в долги, взял кредиты. Первые несколько книг расходились плохо, любителей изысканной восточной прозы в России было немного, но Кирилл твердо верил в свою звезду. Он вовсе не имел намерения прививать российскому читателю любовь к сложной, наполненной непонятными европейцу образами литературе. Он издавал детективы и триллеры и ждал, когда они найдут своего читателя. И дождался. Любители детективной литературы наконец «раскусили» серию и начали с энтузиазмом раскупать книжки, на обложках которых красовался затейливый вензель «ВБ». Вложенные деньги окупились, и Есипов запустил вторую серию – «Любовный роман Востока». Здесь тоже вначале дело буксовало, но Кирилл умел ждать. Он сумел углядеть то зерно, которое должно было сделать эти книги широко читаемыми. Зерно это называлось «европеизация». Истинно восточными в книгах были только имена авторов и множество экзотических деталей, сильно украшавших произведение. Действие же в основном разворачивалось в Европе и Америке, и значительная часть персонажей была отнюдь не восточного происхождения. Однако на родине авторов такая проза спросом не пользовалась и издательского интереса не вызывала, в Японии и Китае чтит и культивировали традиционную литературу, мало привлекающую невзыскательного современного читателя, выросшего в странах европейской цивилизации. В самом деле, много ли найдется в сегодняшней России людей, способных оценить изысканный образ: «Не удержать слезы, упавшей на щеку, и не забыть мне человека, который показал, что все – лишь горсть песка...»

Издательство «Шерхан» становилось на ноги, и появилась финансовая возможность вкладывать деньги в рекламу. Это стало постоянным камнем преткновения в спорах между Есиповым и коммерческим директором Автаевым, жадно считающим каждую копейку и трясущимся над каждым рублем. Сегодня им предстояло обсудить план рекламной кампании по новой книге из серии «Восточный бестселлер», и Есипов заранее готовился к тому, что придется тратить красноречие в попытках убедить коммерческого директора вложить в это деньги.

– Серия и так достаточно раскрученная, – громко и возмущенно говорил Автаев. – Реализация находится на хорошем уровне, и я не считаю, что нужно заниматься дополнительной рекламой.

Средний уровень реализации означал, что книга со склада издательства продается оптовикам в течение не более четырех месяцев. При хорошей реализации тираж уходил со склада в течение двух месяцев, и это позволяло быстро обернуть вложенные деньги и получить прибыль, минимально страдающую от инфляции.

– Мы должны стремиться к тому, чтобы поднять уровень реализации, – мягко возразил Есипов.

– Это и так произойдет, – упирался Автаев. – Серия запущена, теперь процесс будет развиваться сам собой. Ты же знаешь, как это происходит во всех издательствах. Первые книги идут плохо, потом все лучше и лучше, совершенно независимо от качества произведения. Это объективный процесс. И зачем тратить деньги на то, что и так случится? Не понимаю.

– Потому что я хочу увеличить тиражи. Если ждать, пока серия раскрутится сама собой, мы должны ограничиваться максимум ста – ста двадцатью тысячами экземпляров. А я хочу, чтобы мы могли уже сейчас печатать тысяч по сто пятьдесят – двести. И иметь гарантию, что они будут проданы.

– Ну конечно, – испуганно взмахнул руками Автаев, – ты вложишь деньги в такой огромный тираж, а вдруг он не разойдется? Никто тебе никаких гарантий не даст.

– Гарантии будут, если мы правильно организуем рекламу. Семен, – обратился Есипов к главному редактору, – ты подобрал отрывки для предварительной публикации?

С главным редактором тоже приходилось спорить, но уже по другим вопросам. Семен неизменно предлагал для опубликования самые выигрышные отрывки, а Есипов каждый раз с этим не соглашался. Он был единственным из всех троих, кто умел смотреть вперед. И Автаев, и главный редактор Семен Воронец думали только о сиюминутной выгоде, все их помыслы были направлены на издание и реализацию каждой конкретной книги. Понятно, что для наиболее успешной реализации одной книги нужно давать в предварительную публикацию самую сильную сцену. Но что же будет дальше? А дальше читатель, который прочтет в газете эту самую эффектную сцену, решит, что и вся книга написана на таком же уровне. Конечно, он будет эту книгу искать, гоняться за ней. Откроет, начнет читать и поймет, что весь остальной текст значительно слабее и вообще книга-то в целом не про то, про что был опубликованный отрывок. Вздохнет, посетует на свою доверчивость и за следующей книгой гоняться уже не будет, какую бы роскошную рекламу этой следующей книге ни делали. Единожды солгавший, кто тебе поверит? Кирилл Есипов считал, что в предварительную публикацию нужно давать не самую эффектную сцену, а самую интригующую, чтобы прочитавший отрывок человек загорелся желанием узнать, а в чем же там дело и чем все закончится. К сожалению, Семен Воронец находить такие отрывки не умел. Он был напористым и наглым, умел вести переговоры с авторами и переводчиками, но в литературе ничего не понимал и вкуса к ней не имел. Он с завидным постоянством выискивал в готовящейся к изданию рукописи самые «чернушно-клюквенные» куски, которые ни в малейшей степени не являли собой лица всей книги. Любители «чернухи», поверив рекламе, купят книгу и будут разочарованы. А более интеллигентный читатель, тоже поверив этой же рекламе, книгу не купит вообще. Но вбить это в голову патологически тупого Воронца никак не удавалось. Он по-прежнему считал, что гора трупов и море крови – лучшая приманка, тогда как генеральный директор видел в этом качестве интригу, конфликт, тайну. Загадку.

Кроме публикаций в газетах, реклама новых книг давалась в выходящих изданиях, но уже в виде аннотаций, составлять которые должен был все тот же Воронец. Первые опыты показали, что делать это качественно он не может. Ухватить суть интриги, изложить ее сжато, буквально в нескольких словах, добавив таинственности и завлекательности, – это было выше его скромных способностей. Семен пытался поручить это переводчикам, но и их аннотации оказались лишь немногим лучше. В конце концов Есипов посоветовал ему найти чело-

века, который хорошо понимает, что такое рекламная аннотация, и умеет читать рукописи «по диагонали», и заключить с ним трудовое соглашение. Но тут уж скарედный Автаев, что называется, рогом уперся. За что платить?! За то, что можно делать самому? Ни за что!

Есипов быстро пробежал глазами подготовленный Семеном отрывок, который предполагалось опубликовать с двумя продолжениями в популярной ежедневной газете. Типичное не то, с тоской подумал он. Поединок трех каратистов в темном подземелье, кишашем крысами. Жуть малиновая. Один из них – герой, надо думать – других двоих уложил спать вечным сном, а сам остается в подземелье, из которого выбраться не может, потому что тайну выхода знает только тот, которого он убил. И сидит этот герой в обществе злобных крыс и мучительно ищет выход. Ну кто польстится на такую книгу? Только тот, кто решит, что она вся, с первой до последней страницы, посвящена дракам и крысам в темном подземелье. А много ли таких?

– О чем роман? – спросил он, отодвигая от себя распечатанные с компьютера страницы.

– О японской мафии в Голливуде, – ответил Воронеж.

– Почему этого не видно из отрывка? Где здесь якудза? Где здесь Голливуд? Что мы рекламируем, в конце-то концов?

– Но это самая жуткая сцена, – пояснил Воронеж, искренне не понимая, чего от него хочет генеральный директор.

– О господи!

Есипов схватился за голову.

– Ну сколько раз я должен тебе объяснять?..

В конце концов Воронеж пообещал подобрать другой отрывок, но Кирилл Есипов ясно видел, что тот так и не понял, что от него требуется. Опять, наверное, принесет ерунду какую-нибудь. Взять бы на его место толкового человека, знающего, с хорошим литературным вкусом.

– Давай аннотации посмотрим, – устало произнес Есипов.

Аннотации тоже были хуже некуда. Делать их Воронеж так и не научился.

– Так больше нельзя, Гриша, – жестко сказал Кирилл, обращаясь к коммерческому директору Автаеву. – Надо искать специалиста и заключать с ним договор. Такая реклама никому не нужна, только во вред себе работаем.

– Да она вообще не нужна, – снова принялся за свое Автаев. – Я же тебе объяснял, все само собой сделается...

– Я сказал – и будет, как я сказал, – отрубил Есипов.

Он хотел было уже добавить: «А если ты не согласен – скатертью дорожка, можешь катиться в другое издательство и там будешь деньги экономить». Но говорить так было нельзя.

– И я уверен, Гриша, – добавил он уже спокойнее, – что пройдет совсем немного времени и ты убедишься в том, что мы поступаем правильно, вкладывая деньги в рекламу. Я тебе обещаю. Кстати, вы не забыли, что у Володи в пятницу день рождения? Не планируйте ничего на вторую половину дня, надо будет поехать поздравить его.

Автаев недовольно скривился. Конечно, поздравлять ведущего переводчика издательства – дело нешуточное. Цветочками и бутылкой тут не обойдешься. Нужен хороший подарок. А на какие деньги? Опять складчина? Разоришься тут с вами.

Глядя в спину выходящим из кабинета Автаеву и Воронцу, генеральный директор издательства «Шерхан» с отчаянием подумал, что тянуть лямку ему придется в этой команде. Потому что заменить ее нельзя. Слишком уж они сообща замарались. Никуда теперь от них не денешься.

* * *

К новому помощнику Соловьев привыкал с трудом. С тех пор как он оказался прикованным к инвалидному креслу, у него был помощник. Секретарь, сиделка, порученец, мальчик на побегушках, повар, дворецкий и горничная в одном лице. Первоначально все советовали ему нанять для этих целей женщину. Все-таки функции в основном женские, настоящей мужской работы почти нет, но Соловьев твердо знал: он не потерпит рядом с собой женщину, которая должна будет ухаживать за ним, жалея его немощность. Слишком сильны были в нем воспоминания о том времени, когда женщины восхищались им и любили его за силу, решительность, мужественность.

Первый помощник был неплохим парнем, с обязанностями справлялся, но нормальное мужское честолюбие мешало ему долго заниматься работой, у которой не было никаких перспектив в смысле карьеры. Платил Соловьев более чем щедро, позволял пользоваться своей машиной, но, в сущности, тот помощник работал только за жилье. Когда у него появилась возможность приобрести собственную квартиру, он известил Соловьева об уходе. Второго помощника ему нашли издатели – сосватали мальчика, работающего у них на книжном складе. Этот продержался совсем недолго – оказался нечист на руку и не в меру бестолков, то и дело забывая выполнять то, что поручал ему Соловьев. Теперь вот третий. Его тоже подыскивали издатели, но при этом долго извинялись за неудачную кандидатуру предыдущего и давали всяческие гарантии в добросовестности нового помощника, Андрея.

Соловьев отнесся к нему настороженно. За два последних года он уже хорошо понял всю меру собственной уязвимости, связанной с невозможностью контролировать помощника и с необходимостью полностью ему доверять. Если первый опыт был более или менее удачным, то второй оказался печальным. Поэтому первым делом он решил уяснить, из каких соображений Андрей согласился работать у него.

- Сколько вам лет? – спросил он Андрея при знакомстве.
- Двадцать пять.
- У вас есть семья?
- Родители. Я пока не женат.
- Вы живете с ними?
- Нет, у меня своя квартира.
- Какое у вас образование?
- Среднее.
- В армии служили?
- Служил.
- Скажите, Андрей, зачем вам эта работа? Карьеру вы здесь не сделаете.
- А я ее нигде не сделаю, – легко улыбнулся он. – Характер не тот. Нужно быть пробивным, оборотистым, нахальным. У меня этого нет.
- Вам придется жить здесь, со мной, – предупредил его Соловьев.
- Да, я знаю, мне говорили.
- Что еще вам говорили?
- Что я должен водить машину, уметь готовить на минимально приличном уровне, не иметь пристрастия к алкоголю и быть аккуратным в делах. Точно исполнять поручения и ничего не забывать.
- И как вам кажется, вы справитесь?
- Надеюсь, что справлюсь. Моя мама говорила, что мне нужно было родиться девочкой.

Очки придавали Андрею вид серьезный и деловой, и Соловьев подумал, что выбирать-то все равно не из кого. И вот теперь новый помощник работал у него уже вторую неделю. Пока нареканий не было, но Соловьев, наученный предыдущим опытом, считал, что расслабляться пока рано. Сегодня с утра Андрей уехал за продуктами для дня рождения. Пора бы уже ему вернуться, с неудовольствием отметил Соловьев, скоро стемнеет. Одиночество в темноте его пугало.

Вскоре под окнами послышался шум автомобиля, хлопнула дверца, открылась входная дверь. Соловьев сидел в кабинете на первом этаже и отчетливо слышал каждый шаг помощника. Интересно, начнет ли он сразу выгружать продукты на кухню или все-таки сообразит зайти и доложить.

Андрей сообразил, и недовольство Владимира Александровича поутихло.

– Добрый вечер. Я прошу прощения, что задержался.

Ага, понимает, что задержался. Это уже неплохо.

– А что случилось? – поинтересовался Соловьев как можно равнодушнее. Не хватало еще, чтобы парень увидел, как хозяин волновался.

– В «Праге» не было некоторых закусок, которые вы заказывали, и пришлось ждать, пока их приготовят.

– Их что же, специально для вас готовили? – недоверчиво уточнил он.

– Нет, специально для вас, – улыбнулся помощник. – Я подарил заведующей производством вашу книгу и объяснил, что у вас день рождения. Ее муж зачитывается «Восточным бестселлером», и она с радостью взялась все быстро устроить.

– Где же вы взяли книгу? Из моих авторских?

– Нет, я ее купил по дороге.

– Зачем?

– На всякий случай. Вот и пригодилась.

А паренек оказался предусмотрительным. И не нахальным, книгу сам купил, хотя мог бы перед отъездом и попросить у Соловьева, тот бы не отказал.

– Во всяком случае, мне удалось привезти все, что вы велели. И еду, и спиртное. Сейчас я все выгружу, и будем ужинать. Или вы хотите сначала поесть?

– Нет-нет, выгружайте покупки, я еще не очень голоден.

Андрей ушел, и Соловьев вернулся к своему переводу. Книгу предстояло сдать через две недели, в середине апреля, и он вполне укладывался в график, но Владимир Александрович не любил ничего оставлять на последний момент и предпочитал заканчивать работу чуть раньше установленного издательством срока, чтобы иметь возможность лишний раз пройтись по рукописи, выправляя последние штрихи.

После ужина Соловьев устроился в гостиной перед телевизором.

– Андрей, – вдруг спохватился он, – я забыл вам напомнить сегодня утром про массажиста.

– Я звонил ему, – тут же откликнулся помощник. – Вы же предупреждали еще два дня назад. Он приедет завтра к десяти утра.

– Спасибо, – с облегчением пробормотал Соловьев.

Массажист приезжал через день в одно и то же время – в пять часов вечера. Но завтра этот визит мог оказаться совершенно нестати, в пять часов уже могут быть гости. Соловьев никого специально не приглашал, как это бывает, когда зовут в гости к определенному часу, и те, кто захочет его поздравить, могут появиться в любое время в течение дня. И пропускать массаж ему не хотелось, после него Соловьев чувствовал себя заново родившимся. Ну что ж, парнишка не забывчив, это еще один плюс.

Ночью он долго не мог уснуть. Почему-то завтрашний день его тревожил, хотя что в нем особенного? Такой же день, как и все остальные. И день рождения – не первый и не последний в его жизни. Чего он так разнервничался? Будто беды ждет...

Его спальня находилась на первом этаже, комната Андрея – на втором, над спальней. Соловьеву было видно, что из окна второго этажа падает свет. Помощник не спит, и это почему-то тоже тревожило. Второй час ночи, чего парню не спится? Если он такой, каким хочет казаться, неприязнительный в плане честолубия, не имеющий никаких побочных интересов и дел, кроме работы у Соловьева, то должен крепко спать по ночам. Или тоже бессонницей мается? У него-то откуда? Совесть нечиста? Душевные страдания? Господи, какой бред в голову лезет!

Свет на втором этаже наконец погас, и Соловьев немного успокоился. Он уже задремал, когда ему послышались шаги. Кто-то осторожно спускался по пандусу со второго этажа. Кто-то! Да кто это может быть, если не Андрей? Владимир Александрович открыл глаза, но света, падающего из окна комнаты помощника, не увидел. Почему он не зажег света, если ему надо спуститься вниз? Почему ходит в темноте? Сердце заколотилось с такой силой, что даже в ушах зазвенело.

Шаги приближались, и, хотя они были очень осторожными и тихими, Соловьев все равно слышал, они громом отдавались в его ушах. Он не выдержал.

– Андрей! – громко позвал он, включая бра над изголовьем.

Дверь тут же распахнулась, Андрей стоял на пороге в одних шортах. Соловьев заметил, что помощник был босиком.

– Простите, я вас побеспокоил, – сконфуженно произнес он. – Я думал, вы уже спите, старался не шуметь.

– Я не сплю, – сухо сказал Владимир Александрович. – Что случилось? Почему вы бродите ночью по дому?

– Знаете, я уже засыпал и вдруг вспомнил, что не убрал масло в холодильник. Неужели я так шумел?

– Нет, но у меня слух хороший, – проворчал Соловьев. – Убирайте масло и ложитесь.

Он снова погасил свет и закутался в одеяло. Ему было стыдно перед самим собой. Как ребенок, ей-богу, любого шороха пугается. Нельзя так. Решил же раз и навсегда, что бояться ему нечего, ничего ценного в доме нет, грабители сюда не полезут. Просто неприлично быть таким трусливым. Надо взять себя в руки.

* * *

Против ожидания проснулся он в прекрасном расположении духа. В окно светило солнце, и вообще у него сегодня день рождения. И наплевать, что он инвалид. Сегодня праздник, и он проведет этот день как праздник.

До прихода массажиста Соловьев решил не вставать, все равно ведь придется раздеваться и ложиться. Массажист явился ровно в десять, как и обещал, и через сорок минут Владимир Александрович почувствовал, как приятно горит кожа и наливаются силой ослабевшие мышцы спины. После массажа он принял ванну, вымыл голову, побрился, надел серую шелковую рубашку с красивым темно-серым джемпером и отправился завтракать.

В глаза сразу бросился огромный букет цветов посреди стола. Андрей сиял улыбкой, и в руках у него Соловьев увидел объемистый нарядный пакет.

– С днем рождения, Владимир Александрович! – торжественно произнес помощник, протягивая подарок. – Поздравляю вас, желаю вам всего самого хорошего и предлагаю провести сегодняшний день так, чтобы целый год приятно было вспоминать.

Внезапно Соловьев развеселился, ему стало легко и радостно, ночные страхи забылись и ушли, казалось, навсегда. Хорошо, что Андрей разделяет его настрой и тоже готов устроить праздник.

Он ловко развязал пакет и чуть не ахнул от изумления. Прелестный пейзаж, стилизованный под традиционную японскую манеру письма. Соловьев никогда не считал себя знатоком живописи, оценивая картины исключительно по тому впечатлению, которое они производили лично на него. Эта картина ему понравилась с первого взгляда. Он просто влюбился в нее.

– Спасибо, Андрей, – тепло сказал он. – Большое вам спасибо. Прекрасный подарок и прекрасная картина. Как вы думаете, где она лучше всего будет смотреться? Я бы хотел повесить ее в кабинете, там я провожу больше всего времени, и мне будет приятно на нее смотреть.

– Договорились, – подхватил Андрей. – После завтрака повесим картину в вашем кабинете. А сейчас – сюрприз.

– Еще один? – удивился Соловьев.

– Поскольку уже половина двенадцатого, у нас с вами будет не легкий завтрак, как обычно, а полноценный европейский ленч.

С этими словами помощник вытащил из духовки огромную пиццу и водрузил ее на стол. Подумать только, его любимая, «Quattro stagione» – «Четыре времени года». Как он угадал?

– Сначала итальянский салат «Цезарь» с помидорами и сыром, потом пицца, потом кофе со струделем. И все это не спеша, с чувством. Растянем удовольствие не меньше чем на час.

– Согласен, – кивнул Соловьев, вдруг почувствовав, что у него действительно разыгрался аппетит.

Какой забавный мальчишка! Как точно угадал и его настроение, и его вкусы. Соловьев действительно любил итальянскую кухню, наверное, об этом Андрея предупредили заботливые издатели «Шерхана». Давно, еще когда их сотрудничество только-только начиналось, они ездили в турпоездку по городам Италии. Соловьев был с женой Светланой, Кирилл Есипов – со своей девушкой, Гриша Автаев – с сыном. Как славно они тогда провели время! И как трогательно, что они позаботились о том, чтобы рассказать новому помощнику о нем как можно больше. Все-таки хорошие они ребята. Умеют ценить высококвалифицированный труд.

Салат оказался приготовлен по всем правилам, что еще раз приятно удивило его.

– Вы сами делали салат? – спросил он, накладывая себе вторую порцию.

– Конечно. По кулинарной книге. Что-нибудь не так?

– Нет-нет, все отлично. Превосходный салат. А пицца?

– Пицца из ресторана. Я с тестом не умею управляться. Владимир Александрович, утром звонил Есипов, спрашивал, в какое время вам удобно их принять. Я взял на себя смелость сказать, что после пяти – в любое время. Но если у вас есть возражения, я перезвоню им.

– Возражений нет. Пусть приезжают после пяти. Больше никто не звонил?

– Больше никто.

На мгновение Соловьеву стало грустно. Были времена, когда в день его рождения телефон разрывался с самого утра. Звонили с поздравлениями, уточняли, к какому часу будет накрыт стол, спрашивали разрешения привести с собой приятеля или подругу. А теперь...

Он отогнал грустные мысли. Все нормально, Соловей, не кисни, люди не любят горя, и нельзя их за это винить. Вспомни лучше, сам-то ты многим ли позвонил за минувший год, чтобы поздравить? Ты же переехал, сменил телефон, и хотя в старой твоей квартире остался

Игорь, на него надежда слабая, вряд ли он возьмет на себя труд давать тем, кто тебе позвонит, твои новые координаты. У него там перманентная тусовка, и трубку снимают все, кому не лень. Просто отвечают, что ты здесь больше не живешь, и все.

— Закончим завтрак и отправимся гулять, — решительно приказал он. — Погода отличная, грех дома сидеть.

* * *

Но во время прогулки настроение резко испортилось. И он сам не смог бы сказать, отчего. Никто его не обидел и не расстроил, а все равно стало тоскливо. Зря он затеял праздник, не получится у него ничего. Одиноким инвалид должен вести жизнь тихую и затворническую и не пытаться сравняться с теми, кто здоров и самостоятелен.

Андрей вез его в кресле по асфальтовой дорожке, опоясывающей «Мечту». Весенний воздух был теплым и вкусным, и Соловьев с удовольствием вдыхал его полной грудью, но все равно ему захотелось вернуться домой, к своим переводам. Только в работе он чувствовал себя самостоятельным и независимым, но главное — незаменимым.

Соловьев уже хотел было попросить Андрея повернуть домой, но передумал. Незачем показывать мальчику, что настроение испортилось. Он так старался, чтобы сделать этот день приятным и радостным, купил подарок, приготовил замечательный завтрак. Наверное, он расстроится, если поймет, что его усилия оказались напрасными. «Что это я, — одернул себя Владимир Александрович, — почему я думаю о том, расстроится он или нет? Он же мне не друг и не родственник, он работает у меня по найму. И его настроение меня никаким образом касаться не должно».

— Наверное, пора возвращаться, — сказал он как можно спокойнее, чтобы не выдать внезапно нахлынувшего раздражения. — Мне надо сегодня поработать.

— Конечно, Владимир Александрович, как скажете, — откликнулся Андрей, тут же разворачивая кресло в обратную сторону.

Дома Соловьев сразу же принялся за работу, и очень скоро тоскливое раздражение отступило. Он с головой ушел в иероглифы, с легкостью считывая их и преобразуя в изящные отточенные фразы на русском языке, одновременно отдавая должное мастерству, с которым автор закручивал интригу. От перевода его отвлек шум затормозившей у дома машины, и он удивленно взглянул на часы. Неужели уже пять и он так увлекся, что не заметил, как пробежало время? Но на часах было только начало четвертого. В дверь позвонили, послышались торопливые шаги Андрея, щелкнул замок. До Соловьева донесся женский голос, показавшийся ему незнакомым. Наверное, кто-то приехал к соседям, но забыл номер дома и зашел спросить, решил Владимир Александрович. Однако уже через минуту в кабинете появился помощник.

— Владимир Александрович, к вам гостя.

Соловьев выкатился на своем кресле в гостиную. Посреди комнаты стояла высокая светловолосая женщина в узких брюках, обтягивающих стройные бедра, и в свободном белом свитере. В первый момент он не узнал ее. Они не виделись много лет, и почти так же долго Соловьев не вспоминал о ней. Просто вычеркнул из памяти как что-то лишнее, ненужное.

— Здравствуй, Соловьев, — сказала она негромко. — Поздравляю тебя с днем рождения. У него язык присох к гортани. Теперь он вспомнил ее и узнал.

— Ты?

— Я, как видишь.

Глава 2

Они пили кофе в уютной гостиной, отослав Андрея наверх, в его комнату. Настя с любопытством смотрела на человека, которого не видела больше десяти лет. Внешне он мало изменился, если не считать инвалидной коляски. Все то же мужественное красивое лицо, все те же ласковые глаза, которые умели смотреть так тепло и проникновенно. Светло-каштановые волосы по-прежнему густые, и даже седины почти нет.

– Как я должен понимать твой визит?

– Как женский каприз, – уклончиво ответила она.

– Это что-то новенькое, – скупой улыбнулся Соловьев. – Насколько я помню, ты не была капризной.

– Я изменилась.

– Сильно?

– Очень. Ты даже представить себе не можешь, Володя, как сильно я изменилась.

– Но я все равно рад тебя видеть.

– Спасибо. Мне приятно это слышать.

– Так зачем ты все-таки пришла? С тех пор как мы расстались, ты никогда не поздравляла меня с днем рождения.

– Зачем пришла? Сама не знаю. Захотелось увидеть тебя, посмотреть, каким ты стал за эти годы. Я же любила тебя, хотя, может быть, тебе неприятно об этом вспоминать.

– Каким я стал за эти годы? – зло переспросил Соловьев. – Я стал вдовцом и беспомощным инвалидом. Ты удовлетворила свое любопытство?

– Мне очень жаль, – тихо сказала она, глядя ему в глаза. – Хочешь поговорить об этом?

– Нет. Бессмысленно об этом говорить, поправить все равно ничего нельзя.

– Ну, коль так – тогда и не заговаривай об этом.

Его взгляд потеплел, и Настя на какой-то миг снова попала под очарование его невероятных серых глаз.

– Ни капли ты не изменилась, – произнес он почти весело. – Все такая же хитрюга. Ловишь на слове и оборачиваешь каждый промах в свою пользу. Ты чем занимаешься? Где-нибудь на фирме бабки заколачиваешь?

– Конечно. Сейчас все юристы на фирмы подались.

– Тем более с твоим знанием иностранных языков, – подхватил Соловьев. – Сколько? Три, если не ошибаюсь?

– Пять, – с улыбкой поправила Настя. – Английский, французский, испанский, итальянский, португальский. Но по сути, конечно, ты прав. Языки латинской группы так похожи, что могут считаться за один.

– Да уж, с твоей головой да с языками в милиции тебе делать нечего. А помнишь, как ты волновалась перед распределением, боялась, что тебе не дадут направление в милицию, а определят куда-нибудь юрисконсульт? Ты тогда так хотела надеть погоны и служить, я же помню. Теперь, наверное, самой смешно, да? Юрисконсульты со стажем сегодня на вес золота, особенно хозяйственники и жилищники. Самые богатые люди нашей страны.

Настя за много лет привыкла к таким разговорам. Первое время они ее ужасно злили, потом она как-то притерпелась к тому, что многие считают противоестественной ее любовь к милицмейской работе.

– И много ты зарабатываешь на своей фирме?

– Не очень. Ты же знаешь мое пристрастие к порядку. Я не стала бы работать в конторе, которая делает большие деньги незаконным путем. А законным путем да после уплаты налогов деньги получают пока маленькие.

– Ну, на машину все-таки заработала, – заметил он.

– Это машина мужа.

– Так ты еще и замужем?

Он снова не смог скрыть изумления, и Настя с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться. Соловьев всегда обладал недюжинным самомнением. Неужели он полагает, что после их разрыва она будет до гробовой доски носить в себе и лелеять страстную и неутоленную любовь к нему?

– И кто счастливый избранник? Какой-нибудь бизнесмен из «новых русских»?

– Нет. Доктор наук, профессор, лауреат, почетный академик и так далее. Полный набор. И машина в придачу.

– Выгодная сделка, – хмыкнул он. – Не боишься остаться молодой вдовой при таком пожилом муже?

– Не боюсь.

Она легко просчитывала ход его мыслей. Сейчас он наверняка думает о том, что, имея очень заслуженного и очень немолодого мужа, она, Настя Каменская, решила завести роман и выбрала для начала свою старую любовь. Все лучше, чем нового возлюбленного искать. Старые-то – они проверенные, хорошо изученные, надежные. Вот и разыскала его, узнала, наверное, что овдовел. А о том, что инвалид, – не знала. Сейчас он обязательно скажет что-нибудь на эту тему.

– Ты, наверное, разочарована тем, каким я стал.

Ну конечно. Так и есть. Совсем не изменился за двенадцать лет. Она по-прежнему без труда угадывает его мысли.

– Я пока еще не знаю, каким ты стал, – мягко ответила она. – Мы с тобой разговариваем всего полчаса. Я сварю еще кофе?

– Не нужно, это сделает Андрей.

Соловьев нажал кнопку на маленьком квадратном аппарате, и сразу же послышались шаги: помощник спускался со второго этажа вниз.

– А ты стал барином, – с усмешкой заметила Настя. – Даже кофе сварить помощника зовешь.

Он не ответил, молча глядя на нее. И снова ей стало не по себе, как тогда, двенадцать лет назад, становилось не по себе от его теплого взгляда. Неужели она еще что-то чувствует по отношению к нему? Да нет, не может этого быть. Не должно быть. Тогда он имел слишком большую власть над ней, двадцатитрехлетней выпускницей юридического факультета. Тогда он мог вить из нее веревки и вытирать о нее ноги, она все терпела и все ему прощала, потому что была влюблена без памяти. Сейчас она совсем другая. Влюбиться без памяти уже не может и веревки вить из себя никому не позволяет. Даже тем, кто намного сильнее.

– Ты ждешь сегодня гостей? – спросила она, когда Андрей принес кофе с вкусными свежими струделями и снова поднялся к себе.

– Так, заедет кое-кто. – Соловьев неопределенно качнул головой.

– В котором часу?

– После пяти. А почему ты спросила?

– Если ты не хочешь, чтобы меня здесь видели твои друзья, скажи. Я уйду пораньше.

– Глупости, – фыркнул он. – Почему я должен тебя скрывать?

– Не знаю. Мало ли какие у тебя обстоятельства. Может быть, придет твоя дама.

– Успокойся, я жду только мужчин.

– Что ж, это меня радует. Значит, мой приезд сюда не был напрасным.

Она поставила чашку на стол, поднялась и подошла к нему сзади, обняв за шею и прижавшись щекой к густым, слегка вьющимся волосам.

– Соловьев, какой же ты дурак, – вздохнула Настя. – Почему ты не повзрослел за двадцать лет?

Она почувствовала, как напряглись его мышцы. Интересно, он пытается скрыть, что ему неприятно ее прикосновение, или борется с желанием ее обнять?

– А ты сама повзрослела?

– Вот это я и пытаюсь понять сейчас. Для этого и приехала к тебе сегодня.

– Я что-то не понял.

Голос у него был напряженным, но мышцы слегка расслабились.

– Я хочу понять, перестала ли я на тебя реагировать. Ты мне мешал все эти годы, Соловьев. Я все время помнила, как сильно любила тебя. И я хочу наконец убедиться, что это прошло. Или не прошло. Одно из двух. Лучше знать правду, даже если она мне не понравится, чем мучиться догадками и предположениями.

– И зачем тебе эта правда? – Он чуть склонил голову, прижавшись щекой к ее руке. – Чем она тебе поможет?

– Поможет понять, выросла ли я из этой любви или все еще бегаю в детских штанишках. Мне в этом году исполнится тридцать шесть. Рубежный возраст. Хочу подойти к нему, наведя порядок внутри себя.

Настя не могла понять, сколько правды в том, что она говорит, и сколько лжи. Это объяснение она приготовила заранее, оно было вполне в ее стиле и характере и не могло бы удивить того, кто хорошо ее знал. Но теперь, произнося отрепетированные мысленно слова, она словно поверила в них, и ей уже казалось, что действительно она явилась к своему давнему возлюбленному именно за этим. А вовсе не за тем, чтобы попытаться раскрыть тайну исчезновения смуглых темноволосых юношей. Ей было приятно прикосновение его щеки к ее руке, ей нравился запах, исходящий от его волос, она с удовольствием позволяла его теплоту взгляду согревать себя. Ей, как и много лет назад, было хорошо рядом с этим мужчиной.

Она услышала тихие шаги за спиной и поняла, что помощник Андрей спустился вниз. Не оборачиваясь, она наклонилась к Соловьеву и ласково поцеловала его в губы.

– Прошу прощения, – раздался голос Андрея, – может быть, накрыть обед?

Настя не спеша выпрямилась и сладко потянулась.

– Это правильно, Соловьев, гостей надо кормить. Даже незваных. Вы меня извините, Андрей, но помогать вам на кухне я не буду. Повар из меня никакой. Я лучше посижу с Володей и буду наслаждаться его обществом, которого я была лишена столько лет. Ты не возражаешь, Соловьев?

Она снова уселась на диван и поднесла к губам чашку с остывающим кофе.

– Как мама? – спросил Владимир Александрович.

– Цветет. Несколько лет работала в Швеции, теперь вернулась. Признаться, Соловьев, ты был в нее тихо влюблен, да?

Он рассмеялся, и смех его был легким и радостным. Он всегда с удовольствием вспоминал свои аспирантские годы и своего научного руководителя – Надежду Ростиславовну Каменскую, женщину столь же одаренную в научном плане, сколь красивую и элегантную.

– Это точно. В нее влюблялись все мужики от мала до велика. Но я перед ней благоговел. И боялся ее ужасно. Кстати, Ася, мне попадались книги, на которых в качестве переводчика значилась некая Каменская. Уж не ты ли?

– Я, знамо дело. Маменька столько сил приложила, чтобы в раннем детстве впихнуть в меня знание языков. Не пропадать же трудам. Мне удовольствие, кошелек – приварок.

Постепенно они расслабились, напряжение исчезло, и во время обеда они уже болтали, будто и не расставались на много лет. Андрей сидел с непроницаемым лицом, словно их разговор никоим образом его не касался и не интересовал. Настя сделала несколько неловких

попыток втянуть его в беседу, но помощник вежливо отделялся короткими репликами или вообще отмалчивался, то и дело отходя то к плите, то к холодильнику, то к мойке. Когда около половины седьмого раздался звонок в дверь, он, казалось, даже вздохнул с облегчением.

Настя с любопытством всматривалась в новых гостей – руководителей издательства «Шерхан», с которым тесно сотрудничал Соловьев. Это были типичные «новые русские», прикатившие на сверкающих дорогих иномарках и не расстающиеся с сотовыми телефонами, небрежно рассуждающие о миллионных кредитах, процентных ставках и «белом откате». Настя то и дело ловила на себе их настороженные взгляды, хотя все трое из всех сил старались ее не замечать, обращаясь исключительно к имениннику или его помощнику и ведя разговоры на сугубо производственные и только им понятные темы. Ей быстро надоела эта демонстрация превосходства. В других обстоятельствах она бы уже давно уехала отсюда, но сейчас она была на работе. Стало быть, эмоции в сторону, никаких обид и претензий, а гонор спрятать подальше. Ей нужен этот коттеджный микрорайон, ей нужен этот дом. Значит, ей нужен Соловьев, и она должна терпеть, как бы с ней здесь ни обращались.

Стараясь не привлекать к себе внимания, она прошла из комнаты в просторную, красиво отделанную прихожую-холл, достала из стенного шкафа свою куртку и, набросив ее на плечи, вышла на крыльцо, с одной стороны которого были ступеньки, а с другой – пологий съезд для коляски. Все окна первого этажа были ярко освещены, до нее доносились оживленные голоса и смех, и она вдруг почувствовала себя ужасно одинокой, никому не нужной, лишней.

Опершись на перила, она вытащила сигареты и закурила. Что они себе думают, эти издатели? Что она – нищая дурнушка, рассчитывающая подцепить богатого мужика, воспользовавшись тем, что он инвалид и уже вряд ли может претендовать на любовь молодой красавицы? Наверное, именно так они ее и воспринимают. Поэтому и смотрят искоса и явно неодобрительно, поэтому и демонстрируют ей свое пренебрежение. Ты, дескать, девочка, ни на что не рассчитывай, это не твой круг. Не видать тебе состоятельного Соловьева как своих ушей. Интересно, как бы они посмотрели на нее, если бы она нарядилась и надела роскошные тряпки, которые мать исправно привозила ей из Швеции? Стоит ей захотеть, и она может выглядеть как кинозвезда. Только дело в том, что ей этого никогда не хочется. Если нужно для дела – тогда, конечно, другой разговор. Но по собственной инициативе Настя Каменская никогда этого не делает. Ей это неинтересно.

– Отдыхаете от веселья? – раздался голос совсем рядом с ней.

Настя обернулась и увидела забавного человечка лет сорока или чуть меньше, плешивого, с густыми и длинными усами, как у картинных запорожских казаков. Человечек был в хорошем костюме и при галстук и держал под мышкой небольшой пакет. Он пришел пешком, и Настя сообразила, что это, наверное, сосед.

– Скорее даю возможность другим гостям отдохнуть от меня, – приветливо ответила она. – Я такая серьезная, а их, похоже, это угнетает.

– Много народу собралось? – спросил «запорожец», как ей показалось, испуганно.

– Да нет, всего трое. Заходите, пожалуйста, дверь открыта.

– Неудобно, – отчего-то засмутился «запорожец». – Я думал, еще никого нет, хотел поздравить Владимира Александровича, подарок принес. Но если там гости, я, наверное, не буду заходить.

– Отчего же?

– Ну... – Он смутился еще больше и вдруг стал Насте ужасно симпатичен. – Неудобно как-то. Я там никого не знаю. Нет, я лучше завтра зайду.

– Глупости, – решительно оборвала его Настя. – Подарок и поздравления хороши именно в день рождения, назавтра они уже теряют всю прелесть. Я ведь тоже никого там не знаю. Давайте познакомимся, войдем вместе и составим вдвоем единый фронт чужакам.

Она весело подмигнула обладателю картинных усов и протянула ему руку.

– Меня зовут Анастасия. Я старая знакомая Соловьева, он много лет назад учился в аспирантуре у моей мамы.

– А я – сосед. – Он крепко пожал ей руку. – Женя меня зовут.

Настя подхватила его под руку, выбросила докуренную сигарету и буквально втащила беднягу в дом.

– Я привела нового гостя, – громко объявила она с порога, со злорадством отметив мелькнувшее на лицах издателей неудовольствие. – Это Женя, сосед Володи. Прошу любить и жаловать. Женя, ваш тост.

Андрей с непроницаемым видом тут же налил шампанское в красивый бокал и на маленьком подносе подал соседу. Троица из «Шерхана» с неохотой прекратила обсуждение чего-то очень животрепещущего, все подняли бокалы и с выражением вежливого ожидания уставились на «запорожца». Тот совсем сконфузился и долго не мог подобрать слова.

– Володя... Я вас поздравляю с днем рождения... Даже и не знаю, чего вам пожелать... Я хотел сказать, что... В общем, я очень рад, что у вас есть близкие и друзья, которые приезжают к вам. Это очень важно, чтобы были люди, которым ты нужен и интересен и которые приезжают не потому, что так положено, а потому, что сами этого хотят. В конце концов, самое главное в жизни – быть кому-то нужным. Я хочу вам пожелать, чтобы ваш дом никогда не был одиноким и забытым.

– Спасибо, Женя, – тепло произнес Соловьев. – Я очень благодарен вам за то, что вы пришли. И с удовольствием пью за ваши слова.

– Пойдемте поближе к столу, – шепнула Настя соседу. – Они там ведут производственное совещание, нам с вами это неинтересно, а на столе масса всяких вкусных вещей. Ну их, с их деловыми разговорами.

Женя покорно поплелся следом за ней к дивану, куда Настя усадила его почти насильно. Было видно, что ему не по себе и хочется уйти.

– Вы давно здесь живете? – спросила она, накладывая в его тарелку разные закуски.

– С самого начала, как застроились. Я один из первых въезжал. Почти одновременно с Володей.

Странно, подумала Настя. Так давно живут рядом, а он стесняется лишний шаг сделать, лишнее слово сказать. Как будто первый день знаком с Соловьевым. И вообще непонятно, как такой неловкий и застенчивый человек может в наших условиях оказаться владельцем дорогого престижного коттеджа. Чтобы заработать такие бешеные деньги, нужно быть акулой, нахрапистой и клыкастой. А он?

– Чем вы занимаетесь, Женя? Или с моей стороны неприлично об этом спрашивать?

Он смутился еще больше.

– Ничем, в сущности. Детей воспитываю, хозяйство веду. У меня жена бизнесом занимается. А я так... Дома сижу, одним словом.

Она вспомнила. Якимовы. Коттедж номер 12. Жена – генеральный директор крупной фирмы, торговля мебелью, сантехникой, отделочными материалами, ремонт квартир и офисов. Муж нигде не работает. Вот, значит, как это выглядит на самом деле. Читая документы и раскладывая их по конвертам, приклеенным на стене под схемой «Мечты», Настя представляла себе эту семью совсем иначе. Деловая хваткая дама средних лет, не очень привлекательная, купила себе красивого сексуального мужа, позволяя ему сидеть на своей шее не работая. А оказалось, что они просто поменялись ролями. Она зарабатывает деньги, он занимается домом и детьми. Что ж, может, это и правильно.

– Сколько у вас детишек?

– Трое.

– Ого! Ваша работа, пожалуй, потруднее многих других.

– Справляюсь. – Он робко улыбнулся. – От жены нареканий нет.

Ей удалось втянуть его в разговор о жителях коттеджей. В отличие от Соловьева, который жил замкнуто и практически ни с кем не общался, Женя Якимов был хорошо знаком почти со всеми, потому что целые дни проводил здесь. С ним частенько оставляли детей, если родителям нужно было отлучиться, и всегда звали на помощь, если где-то что-то ломалось и выходило из строя.

Настя работала, с милой улыбкой задавая заранее продуманные вопросы, бросая короткие, ничего не значащие реплики, в ответ на которые сосед Женя начинал рассказывать то, что ей хотелось услышать. Ничего нельзя было записывать и желательно было ни о чем не переспрашивать и не уточнять, беседа должна выглядеть непринужденно, а Настиного интереса к каждому слову Якимова никоим образом нельзя было демонстрировать. Она впитывала в себя как губка каждое слово усатого «запорожца», каждую реплику, каждое вскользь сказанное междометие, при этом делая вид, что лениво поедает многочисленные закуски и слушает вполуха. То и дело она ловила на себе недоумевающий взгляд Соловьева. Ведь она приехала к нему, именно к нему, а не к застолью и не к его гостям. Почему же она так легко смирилась с тем, что он не уделяет ей никакого внимания, что им всецело завладели трое деловых респектабельных мужчин, а она вынуждена довольствоваться обществом соседа, которого видит в первый раз и которого сам Соловьев почти не знает? Так могла бы себя повести ТА Настя Каменская, которую он знал много лет назад, влюбленная до беспамятства девочка, забывшая о самолюбии и гордости. А нынешняя Анастасия, не моргнув глазом обсуждающая с ним свои прошлые чувства, готовая под микроскопом рассматривать чувства сегодняшние и не испытывающая при этом ни малейшего смущения, вряд ли стала бы мириться с тем, что ей не нравится. Что же, выходит, ее все это устраивает?

Соловьев поглядывал на нее все чаще, то и дело отвлекаясь от того предмета, который пытались обсудить с ним издатели. Вслед за ним начал оборачиваться на Настю и крупный высокий мужчина с добродушным симпатичным лицом – главный редактор «Шерхана» Семен Воронец. Первый этап пройден благополучно, отметила она про себя. Все наконец начали понимать, что я имею право на приватную беседу с хозяином. За дело, Настасья!

Она медленно поднялась с мягкого, обитого светло-кофейной кожей дивана и неторопливо подошла к Соловьеву.

– Ну что, гений восточной словесности? – насмешливо спросила она. – Не пора ли уделить даме несколько минут? Тем более что дама скоро поедет домой.

– О, прошу прощения, – рассыпался в извинениях невысокий бородатый Есипов. – Мы совсем замучили Володю деловыми разговорами. Как жаль, что вам нужно уезжать так рано.

– Да? – невинно удивилась она. – А почему вам жаль? Вы что, собирались поухаживать за мной?

Она выразительно посмотрела на Есипова сверху вниз – он был почти на голову ниже ее ростом.

– Ну что вы, я бы не рискнул, – быстро нашелся Кирилл. – А вот Семен, по-моему, очень даже настроен поухаживать за вами. Вы обратили внимание, как он на вас все время поглядывает?

Ясно. Ее хотят переключить на этого редактора с улыбочивым лицом. Сейчас он кинется изо всех сил за ней ухаживать, постарается подпоить и показать Соловьеву не в самом лучшем свете, после чего ее увезут отсюда в полной уверенности, что хозяин потерял к ней всякий интерес. Схема примитивная, рассчитанная на дураков, но тем не менее всегда срабатывающая. Ни один мужчина не потерпит, чтобы его дама целовалась с другим. Какие бы объяснения при этом ни приводились. Как, однако, они блюдут интересы Соловьева! Прямо три дуэньи в штанах. Откуда у них эта нелюбовь к женщинам не из своего круга? Неужели они так привязаны с Володе и несут коллективную ответственность за его судьбу? Да нет,

откуда? Для «новых русских» это слишком высокие чувства, они на такое не способны. Скорее всего дело в какой-то совершенно конкретной женщине, у которой роман с Соловьевым и чьи интересы эта троица охраняет. Может, она их близкая подруга или даже родственница одного из них. Просто сейчас у них с Соловьевым вышла размолвка, она даже не приехала поздравить его с днем рождения, но издательские мальчишки зорко стоят на стреме и чужих баб к своему переводчику не подпускают. А может быть, никакой размолвки и нет, просто дама временно отсутствует, уехала куда-нибудь по делам или отдыхать.

Настя решительно взялась за ручки на спинке инвалидной коляски и, пренебрегая правилами хорошего тона, повезла Соловьева в кабинет. Плотно притворив за собой дверь, она подкатила коляску к окну, а сама уселась на низкий широкий подоконник лицом к Владимиру.

– Давай поговорим десять минут, и я поеду.

– Так рано?

– Мне пора. Итак, Соловьев, что ты мне скажешь? Напрасно я приехала сегодня или нет?

– Тебе решать.

Он пожал плечами и постарался скроить равнодушную мину, словно ответ на этот вопрос его совершенно не интересовал.

– То, что касается меня, я сама и решу. А вот ты что скажешь?

– Я не понимаю, чего ты добиваешься, – с раздражением произнес Соловьев. – Что ты хочешь от меня услышать? Задавай свои вопросы членораздельно, будь любезна.

– Хорошо. – Она вздохнула. – Двенадцать лет назад ты меня не любил, я была тебе не нужна, я была тебе в тягость. Я тебя совершенно не интересовала. Но ты тем не менее встречался со мной и даже занимался со мной любовью. Должно было пройти довольно много времени, чтобы я поняла, что ты делал это не потому, что я тебе нравилась, а потому, что боялся мою мать. Ты боялся меня разозлить, потому что думал, что я могу пожаловаться маме, оболгать тебя, оклеветать, наговорить невесть чего, и тогда не видать тебе кандидатской степени. Как только до меня дошла эта неприятная истина, я оставила тебя в покое. Не могу сказать, что вся эта история прошла для меня безболезненно. Я очень страдала, Соловьев. Я очень тебя любила. Сегодня я пыталась понять, изменилось ли мое отношение к тебе, и с удовлетворением увидела, что воспринимаю тебя совершенно спокойно. Я больше не начинаю дрожать от одного твоего взгляда и не теряю голову, когда прикасаюсь к тебе. Ты стал другим, и я стала другой. И я с удивлением поняла, что могу снова начать любить тебя. Я, другая, могу опять полюбить тебя, тоже другого. Просто новая встреча двух других людей. Но я, Соловьев, теперь хорошо умею управлять своими чувствами. Повторяю, я МОГУ снова полюбить тебя, но весь вопрос в том, нужно ли это делать. И если я решу, что не нужно, то и не стану этого делать. Без проблем. С другой стороны, я могу решить, что нужно, а у меня все равно ничего не получится. И теперь я хочу услышать твой ответ. Можно без предисловий и без длинных объяснений того, что произошло много лет назад. Просто скажи, хочешь ли ты, чтобы я приезжала к тебе. Или ты хочешь, чтобы я сейчас убралась отсюда и ты больше никогда меня не видел.

Ну вот, она сделала все для того, чтобы он пригласил ее приезжать. Ей нужен этот дом и его хозяин, и если для того, чтобы приезжать сюда, нужно лгать, она будет лгать. Притворяться. Строить из себя влюбленную. Когда-то ей было очень больно, так больно, что, казалось, она не выживет. Но прошло больше десяти лет, в ее душе нет мстительного чувства к этому мужчине, в ее душе по отношению к нему нет вообще ничего. Пусто. Будто никогда ничего и не было. Но если для ее работы нужно причинить боль ему, она не задумываясь на это пойдет. Больнее, чем было ей тогда, просто не бывает. Но даже это, как она убедилась на собственном опыте, можно пережить и не умереть. Так что и Соловьев переживет, если ему

придется перенести несколько неприятных минут, связанных с тем, что у него откроются глаза на истинные чувства и побуждения женщины, к которой он равнодушен.

Соловьев взял ее за руку и потянул к себе. Настя соскочила с низкого подоконника и села к нему на колени. Он целовал ее долго, очень нежно и очень умело, то и дело отрываясь от ее губ и проводя губами по ее длинной шее. Одной рукой он обнимал ее за спину, другой гладил и ласкал ее грудь под свободным свитером. Настя чутко прислушивалась к себе. Она ничего не чувствует. Боже мой, двенадцать лет назад она бы уже умерла от таких ласк и прикосновений. А сейчас – ничего. Ей не было неприятно, ей не хотелось вырваться и скривиться от омерзения, как если бы это был совершенно посторонний мужик. Но и того восторга, который ее охватывал когда-то, тоже не было.

Она осторожно отстранилась и высвободилась из его рук, снова пересев на подоконник.

– Я не услышала ответа, Соловьев. Я так и не поняла, хочешь ли ты, чтобы я приезжала сюда.

– Да ведь ты сама этого не хочешь.

Он посмотрел на нее внимательно и ласково своими невероятными теплыми глазами.

– Не обманывай себя, Ася. Я не нужен тебе. Я – калека, а ты – молодая здоровая женщина с нормальными физиологическими потребностями, которых я не смогу удовлетворить. Ты ничего не чувствуешь, когда я тебя обнимаю. Так зачем тебе все это?

– Я же говорила тебе, что ты не повзрослел за эти годы. Для тебя по-прежнему на первом месте секс. Как был кобелем, так и остался. – Она улыбнулась и погладила его по руке. – И ничего-то ты не понял. Я сейчас поеду домой к своему заслуженному мужу, а ты на досуге подумай над тем, что я сказала. Завтра я снова приеду, и мы поговорим. Надеюсь, твои деловые друзья завтра не будут нам мешать. Все, Соловьев, я пошла. Провожать меня не надо, я уйду потихоньку, чтобы не прощаться с твоими акулами капитализма. Отсюда выход только в гостиную?

– Нет, вон та дверь ведет в прихожую.

– До завтра, дорогой, – насмешливо сказала она, уже стоя у самой двери.

Он молча кивнул, не сводя с нее настороженного взгляда.

Настя тихонько выскользнула в прихожую. Дверь в гостиную была распахнута, и голоса доносились оттуда громко и отчетливо. Настя сделала пару шагов в другую сторону и заглянула в кухню. Там помощник Андрей мирно беседовал о чем-то с длинноусым соседом Женей Якимовым. Стало быть, в комнате находятся только издатели.

Она осторожно, стараясь не шуметь, достала из шкафа куртку, прислушиваясь к разговору.

– ...для этого дела нужна «Газель», – говорил коммерческий директор Автаев. – Больше никак не получится.

– Сложно это, – неуверенно ответил Воронеж. – Столько усилий, а вдруг все напрасно?

– Нечего тут обсуждать, – оборвал их Есипов. – Дело есть, и его нужно сделать. Во что бы то ни стало...

Понятно, кто из них троих хозяин, думала Настя, аккуратно открывая замок на входной двери.

* * *

Алексей Чистяков, растянувшись на диване, смотрел по телевизору детектив. Рядом с диваном на полу стоял поднос с пустыми тарелками и чашка с остатками чая. Настя поняла, что муж лежит перед телевизором давно, с обеда.

– Ты что, Лешик? – озабоченно спросила она. – Заболел?

– Не-а, – он помотал рыжей шевелюрой. – Забастовал.

– Причина?

– Эти суки из колледжа не заплатили за курс. Сказали, что оплату произведут после приема экзаменов. Дескать, посмотрят еще, как я курс прочитал, чему смог студентов научить.

– А экзамены когда?

– В мае.

– Ничего себе! – присвистнула Настя. – Опять будем без денег сидеть? Наша годовщина свадьбы накрывается железной крышкой.

– Очень изящный эвфемизм для обозначения медного таза, – прокомментировал муж.

Они поженились год назад, 13 мая. В этот же день зарегистрировал брак Настин единственный брат – сын ее отца от второго брака. Брат был так счастлив, готовясь к двойной свадьбе, и строил шуточные планы совместных празднований первой и всех последующих годовщин. Александр Каменский настаивал на том, чтобы на первую годовщину всем четверым поехать в Париж, на вторую – в Вену, на третью – в Рим. Настя отмахивалась, понимая, что на деньги брата никуда не поедет, а своих собственных на такую поездку все равно не будет. Леша мог бы зарабатывать очень прилично, если бы принимал приглашения зарубежных университетов и подписывал с ними контракты. Но уезжать без Насти он категорически не хотел, а Настя, в свою очередь, отказывалась бросить работу. Поэтому приходилось почти ежедневно решать проблемы латания дыр в семейном бюджете.

– Ужинать будешь? – спросил Алексей, вылезая из-под теплого клетчатого пледа и шаря ногами по полу в поисках вечно убегающих тапочек.

– Не хочу, спасибо.

– Где же это тебя кормили? Ты разве не с работы?

Она уже давно перестала решать для себя задачку «врать – не врать», если речь шла о ее муже. Ответ был один: не врать. Лешка, во-первых, был знаком с Настей с пятнадцати лет, знал ее как облупленную и совершение не характерных для нее действий просекал мгновенно, тут же начиная подозревать что-нибудь нечистое. Во-вторых, он был действительно талантливым математиком, крупным ученым и обладал четким и свободным от эмоций мышлением, что позволяло ему без труда разоблачать ложь. И в-третьих, все, что произошло между Настей и Соловьевым много лет назад, было ему известно. Он мужественно перенес эту историю, но пережитые страдания и тот ужас, который он испытывал на протяжении почти полутора лет, ожидая, что вот-вот потеряет единственную женщину, которую любит, оставили в его душе след, который до сих пор не померк. При возникновении малейших подозрений он начинал бешено ревновать, внутри у него все кипело и болело от страха потерять непредсказуемую, непокорную и своевольную Анастасию – единственную женщину, которая вообще была ему нужна в этой жизни. Поэтому Настя знала твердо: поводов для ревности Алексею давать нельзя, иначе он сойдет с ума.

– Я была в гостях.

– В рабочее время? – Он удивленно посмотрел на нее. За Настей такого не водилось. Она никогда не занималась личными делами в рабочее время.

– Это нужно для работы. Лешик, я была у Соловьева.

Она могла не спрашивать, помнит ли муж, кто такой Владимир Александрович Соловьев. Она знала совершенно точно, что помнит.

– Вот как?

Он старался казаться спокойным, и Настя оценила это по достоинству.

– Он живет там, где мы ищем преступников. И мне нужен был повод, чтобы там появиться. Более того, мне нужен повод, чтобы появляться там постоянно, пока мы не разберемся с нашим делом, и для этого Соловьев подходит как нельзя лучше. У нас был роман,

который ничем хорошим не закончился, но теперь он овдовел, и вполне естественно, что я попытаюсь восстановить отношения. Ты понимаешь?

– Да, конечно. Это действительно вполне естественно. Мне что, готовиться к разводу?

– Леша, ну как тебе не стыдно!

Она села рядом с ним на диван, обняла за шею, прижалась щекой к его плечу.

– Это работа, Лешенька. И больше ничего. Прошло столько лет, Соловьев давно перестал меня волновать. Я уже большая девочка. И я прошу тебя, не бери это в голову. Я могла бы скрывать от тебя, что снова вижусь с ним. Ты бы никогда и не узнал. Но я не вижу, почему бы не сказать тебе об этом. Соловьев не означает для меня сегодня ровно ничего. Пустое место. Владелец дома, где мне необходимо регулярно бывать.

Алексей молчал, тихонько поглаживая жену по голове.

– А он... Он знает, что твои визиты к нему – это просто работа?

Зрит прямо в корень. Настя поежилась, теснее прижимаясь к нему. Обмани такого попробуй. Себе дороже. Вообще-то, если бы Чистяков не был таким умным, она бы не вышла за него замуж.

– Нет, солнышко, он этого не знает.

– Значит, он воспринимает тебя именно как свою бывшую любовницу?

– Леша!

– Асенька, мы с тобой знакомы двадцать лет, и давай не будем морочить друг другу голову и выбирать выражения, когда обсуждаем важные вещи. Как ты объяснила Соловьеву свое появление?

– Так, как ты и думаешь. Сказала, мол, хочу убедиться, что полностью остыла к нему. У него сегодня день рождения. Воспользовалась поводом и приехала.

– И как, убедилась?

– Убедилась. Леша, перестань ты, ради бога, себя мучить. О том, что Соловьев для меня ничего не значит, я знала еще несколько лет назад. И мне совершенно не нужно было для этого ездить к нему домой. Но мне нужен был повод, который я могла бы ему предъявить.

– А ты не боишься, что теперь, когда у него нет жены, он может вспылать к тебе чувствами?

– Не боюсь. Если он не смог любить меня тогда, то и сейчас не сможет. Мировой опыт показывает, что наличие или отсутствие супругов в этом деле ровно никакой роли не играет. И потом, я не сказала тебе... Он инвалид. Калека. Передвигается в инвалидной коляске.

– Несчастный случай?

– Не знаю пока. Он не захотел это обсуждать, а я не стала настаивать. Но я это и без него узнаю, трудность невелика. Леш, давай забудем, а? Что ты из ерунды проблему делаешь? Ты спросил, почему я не хочу ужинать, я ответила, что была в гостях у Соловьева. Ну и все, и проехали. Я могла бы тебе сказать, что была в гостях у Тютькина или Хренкина, и ты спал бы спокойно. Не думай ты о Соловьеве. Я люблю тебя, и замуж я вышла за тебя, и жить до самой старости я собираюсь с тобой. Пойдем пить чай.

Она встала с дивана и потянула мужа за руку. Глядя на его взлохмаченную шевелюру, она невольно сравнивала Алексея с Соловьевым. Да, Володя, бесспорно, красивее. И взгляд у Лешки никогда не бывает таким теплым и чарующим. Его зеленовато-коричневые глаза могут смотреть серьезно, ехидно, насмешливо, с откровенной издевкой, с нежной заботой. Но того настоящего мужского взгляда, от которого опускаются руки и в голове мутится, у Чистякова не было. Может быть, поэтому Настя и любила его, своего рыжего гения математики. Больше всего она терпеть не могла самцов – мужчин, уверенных в том, что их сексуальная притягательность помогает властвовать над женщинами, подчинять их своей воле. Мужчин, уверенных в том, что предназначение женщины – испытывать оргазм и произво-

дить потомство и подчиняться она должна тому мужчине, который помогает или позволяет ей свое предназначение исполнять.

* * *

Гости давно ушли, а Соловьев все сидел в кабинете, отпустив Андрея наверх и сказав, что ляжет спать без его помощи. Визит Анастасии выбил его из колеи. То, что произошло много лет назад, было постыдным, и вспоминать об этом ему всегда было неприятно. А коль неприятно, так он и не вспоминал.

Он никогда не был бойцом, умеющим настаивать на том, что сам считал правильным и необходимым. Ему всегда легче было подчиниться обстоятельствам, чем пытаться подчинить их себе, своим желаниям и устремлениям. Пусть идет как идет. Пусть будет как есть. Как случилось – так случилось. Когда он понял, что дочка его научного руководителя влюблена в него до помрачения рассудка, ему было проще пойти навстречу обстоятельствам и закрутить с ней ненужный и тягостный для него роман, чем постепенно и деликатно переводить отношения на дружеские рельсы, стараясь не обидеть и не ранить молодую девушку. Он привык плыть по течению, а не сопротивляться.

Соловьев видел, как она страдала, и понимал, что своим поведением причинил ей боль, сначала заставив поверить, что тоже любит ее, а потом не сумев скрыть правду. Но осознание собственной вины было для него тягостным, и он предпочел не думать об этом. Не вспоминать. Забыть. И это ему вполне удалось.

Зачем она явилась сейчас? Дразнит? Наслаждается видом его беспомощности, радуется его страданиям? Но она его уже не любит, это он видит совершенно ясно. Хотя, впрочем... Как знать. То, что не заводится от первого же прикосновения, еще ничего не означает. Возраст все-таки. Сколько, она сказала? Скоро тридцать шесть. Она стала холодной и рассудочной. Даже, кажется, немного циничной. И очень красивой. Теперь она гораздо красивее, чем была двенадцать лет назад. Она по-прежнему неяркая, неброская, почти не пользуется косметикой, но Соловьев по достоинству оценил чистоту линий и лица, и фигуры. Длинные стройные ноги, тонкая талия, высокая грудь, роскошные густые длинные волосы, изящные руки, высокие, красиво вылепленные скулы, прямой нос. Про таких женщин говорят, что они «на любителя». Они не бросаются в глаза, мимо них можно пройти десятки раз и не заметить, и только очень искушенный и взыскательный взгляд может оценить их прелесть.

Она приедет завтра. Радует ли он этому или хотел бы, чтобы новый визит не состоялся? Соловьев пытался разобраться в себе, но, как обычно, ему не хватало для этого упорства. Так приятно и легко было бы плыть по течению, пусть Анастасия приезжает, пусть снова любит его. Сейчас это его не тяготило бы, ибо его положение инвалида освобождало Соловьева от всяких обязательств по отношению к женщинам. Он слишком одинок, и влюбленная женщина совсем не мешает. Тем более он живет так далеко, что приезжать каждый день она не сможет. К тому же она замужем. Что ж, решил Владимир Александрович, все к лучшему.

Глава 3

Настя терпеливо выжидала момент, когда Соловьева не будет дома. Спустя два дня, как только Андрей вывез на улицу коляску и отправился с Владимиром гулять, она позвонила в дверь коттеджа номер 12. В ответ сразу же раздались звонкие детские голоса, дверь распахнулась, и на пороге возникла перемазанная краской девчушка лет восьми.

– Вы к нам? – требовательно спросило дитя.

– К вам, если впустите, – улыбнулась Настя.

Тут же за спиной юной художницы появился Женя Якимов.

– Это вы? – удивился он. – Ко мне?

– Вообще-то к Соловьеву, но его нет дома, и я подумала, что, может быть, вы приютите меня, пока он не вернется.

– Они, наверное, гулять отправились, – предположил длинноусый сосед.

Настя поняла, что ей сейчас предложат пойти на поиски и даже укажут вероятное направление, тем более что такого рода прогулки не бывают на очень уж большие расстояния.

– Наверное, – согласилась она. – Но у меня ужасно болит нога. Надела новые туфли – и неудачно. Можно мне войти?

– Конечно, конечно, – спохватился Женя. – Проходите.

Этот коттедж был спланирован совсем по-другому. Кухня намного просторнее, остальную площадь первого этажа занимала огромная гостиная, где сейчас находились все трое отпрысков – двенадцатилетний Митя, абсолютно непохожий на Женю, юная любительница живописи Лера и крошечное существо с длинными русыми кудрями, которое при ближайшем рассмотрении оказалось мальчиком Федей. Митя увлеченно играл с компьютерным противником во что-то ужасно захватывающее, в то время как Лера, лежа на полу, пыталась под чутким руководством не по годам серьезного Федора изобразить Крокозябру. Это существо являлось плодом безудержного малышowego воображения, и мальчик объяснял сестре, как оно должно выглядеть, используя при этом мимику, жесты и богатый набор звуков, от утробного рычания до тоненького попискивания. Если учесть, что компьютер при этом издавал множество шумов, а Митя сопровождал игру разнообразными репликами и вскриками, то можно представить, какой гвалт стоял в гостиной. Женя, познакомив Настю с детьми, тут же увел ее на кухню, которая благодаря своим размерам и европейскому дизайну вполне могла считаться столовой.

– Вы не обидитесь, если я буду возиться с ужином? – смущенно спросил Якимов. – Через час я должен покормить детей, а у меня еще конь не валялся.

Они мирно болтали вроде бы ни о чем. Какие люди живут в коттеджах? Чем занимаются? Кем надо быть, чтобы позволить себе такое дорогое жилье? Без муниципального транспорта, конечно, не очень удобно, но здесь у каждого есть машина, а порой и не одна. У Якимовых, например, две машины, на одной ездит жена, другая остается Жене – мало ли что случится в течение дня, например, нужно срочно везти к врачу кого-то из детей или быстренько смотаться в магазин.

Настя плавно перевела разговор на программу «Соседский присмотр», которая широко применяется в некоторых странах для профилактики преступлений.

– Да, – согласился Женя, – в многоквартирных домах такая программа вряд ли сработает, а в районе индивидуальной застройки в этом есть смысл, соседние дома хорошо просматриваются. И потом, если знаком с жильцами, то чужой человек сразу бросается в глаза. Особенно днем, когда знаешь, что никого дома нет.

Еще пять минут, и он сказал, что в «Мечте» он чужих практически не видел, по крайней мере в дневное время. За вечернее время поручиться не может, во-первых, темно, а во-вторых, хоть они живут и далеко от центра, но гости к обитателям микрорайона все-таки приезжают, случается, и целыми компаниями. Нет, такого, чтобы кто-то незнакомый болтался вокруг коттеджей без видимой причины, он не припомнит. Свой интерес Настя объяснила тем, что фирма, где она работает, собирается наряду с прочим заняться страхованием индивидуальных жилых построек, в том числе и от вторжения воров и грабителей.

Внезапно Женя напрягся и прислушался. Звуки, доносящиеся из гостиной, стали немного другими. Теперь среди них не было характерных шумов, производимых компьютером во время батальных игр.

– Простите, – пробормотал хозяин и быстро вышел из кухни.

Через некоторое время он вернулся, укоризненное выражение еще не успело сойти с его подвижного лица.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовалась Настя.

– Ничего особенного. Дмитрий опять начал играть с компьютером в шахматы.

– И что вас встревожило? Разве это плохо? – удивилась она.

– Ему еще рано играть в шахматы, – непреклонным тоном заявил Якимов. – Он должен играть в развивающие и обучающие игры, вырабатывать внимание, быструю реакцию, приучаться к точным движениям и координации пальцев.

Настя хотела было возразить, что если мальчик играет в шахматы с компьютером, то одно это свидетельствует о том, что он уже достаточно развит и обучен, но промолчала. В конце концов, какое ей дело? Он отец, и ему видней, как правильно воспитывать ребенка. Не следует ей лезть в чужой монастырь со своими представлениями о развитии интеллекта.

– Женя, а вы кто по образованию? – спросила она.

– Инженер, заканчивал инженерно-строительный институт.

– А детям своим что планируете?

– Да что получится, – ответил он, как показалось Насте, неохотно. – Никаких особых талантов у них пока не наблюдается. Знаете, от осинки не родятся апельсинки.

– Как вы сказали? – Она расхохоталась. – Никогда не слышала этого выражения. Это что, поговорка такая?

Он улыбнулся, продолжая старательно перемешивать фарш.

– Мы в студенческие годы увлекались тем, что переиначивали традиционные пословицы и поговорки. Даже конкурсы между группами устраивали. Например: «Не плюй в колодец, вылетит – не поймашь».

– Забавно. А еще?

– Не по Хуану сомбреро.

Он произнес эти слова быстро и слитно, и Настя даже не сразу сообразила, что это вариант поговорки «не по Сеньке шапка».

– Здорово! – искренне восхитилась она.

Из окна ей было видно, как на противоположной стороне дороги показался Андрей, толкавший перед собой инвалидную коляску, в которой сидел Соловьев. Якимов стоял спиной к окну и их не видел, так что при необходимости можно было бы ничего «не заметить» и продолжать выпрашивать отца троих симпатичных ребятишек о людях, проживающих в коттеджах. Но Настя решила не пережимать. Все хорошо в меру.

– Вот они, возвращаются, – сказала она, вставая. – Спасибо вам, Женя, за то, что приютили.

* * *

Она никак не могла понять, рад ли Соловьев ее приходу. Но вот то, что это категорически не нравится его помощнику Андрею, было совершенно очевидно. Разумеется, молодой человек не допускал никаких высказываний или неодобрительных жестов, но Настя чувствовала его недовольство, как невестки чувствуют нелюбовь даже очень воспитанной и приветливой свекрови.

После первого визита к бывшему возлюбленному Настя попыталась выяснить, какое несчастье с ним произошло, но за два дня ей это не удалось. То, что это не результат преступного насилия, было ясно: в последние годы все сведения об убийствах и тяжких телесных повреждениях, проходившие по московским сводкам, обязательно попадали к ней на стол, а оттуда – в разные справки, таблицы, папки и в конечном счете в ее домашний компьютер. Она не могла бы пропустить фамилию Соловьева, даже если бы очень захотела. С памятью у нее всегда было все в порядке, а уж Володю Соловьева она будет помнить, пока жива. Слишком болезненный след он оставил в ее душе. Что ж, значит, его ноги лишились подвижности в результате какой-то тяжелой болезни. Может быть, эта болезнь связана со смертью его жены Светланы? Интересно, отчего она умерла? Насколько Настя знала, Владимир и его супруга были ровесниками, стало быть, умерла она совсем молодой, еще и сорока не исполнилось.

– Ты обещала приехать в субботу, – заметил Соловьев. – Ты стала необязательной, Ася?

– Я же предупреждала тебя, что изменилась. Вероятно, в чем-то – в худшую сторону. А ты меня ждал?

– Ждал.

Он улыбнулся ей так тепло и нежно, что на какое-то мгновение она опять обо всем забыла.

– А твой мальчик, похоже, твоих чувств не разделяет, – сказала она уклончиво. – Может быть, он ревнует?

– Почему он должен ревновать? – удивился Соловьев. – Он же не сын, который бывает недоволен, когда вдовый папаша приводит в дом новую женщину.

«Он, конечно, не сын, – ответила мысленно Настя. – Но он может оказаться гомосексуалистом. Так же, между прочим, как и ты, когда-то страстно любимый Соловьев». Но вслух она произнесла совсем другое:

– Знаешь, когда мужчина занимается женской работой, у него появляется и женская психология. Твой Андрей чувствует себя хозяйкой в твоём доме, он здесь убирает, поддерживает чистоту, готовит, ухаживает за тобой, и вдруг появляется какая-то... Носит грязь с улицы, мешает тебе работать, а он ей еще кофе подавать должен.

– Не говори ерунды, – отмахнулся Соловьев. – Расскажи лучше о себе. Как жила все эти годы, чем занималась.

– Это неинтересно. Жила скучно, занималась одним и тем же, в перерывах подрабатывала переводами. А ты?

– А я... – Он как-то странно усмехнулся. – Я прожил несостоявшуюся жизнь.

– Как это?

– Моя жизнь могла бы быть совсем другой, но в результате стала такой, какой стала.

– В результате чего?

– Всяких событий. Я дважды собирался уехать за границу на постоянное жительство, и дважды у меня ничего не получалось. Просто рок какой-то надо мной висит. В итоге я стал инвалидом и теперь уж совершенно точно никуда не уеду не то что из России, а даже из Москвы.

– И почему так получилось? Тебе что-то помешало?

– Что-то? – иронично переспросил он. – Судьба. Судьба мне помешала. Я хотел развестись, жениться на другой женщине и уехать с ней. В этот момент Света погибла, и я не мог оставить здесь сына одного. Женщина та уехала, как и планировала, а я остался.

– А во второй раз?

– Во второй... Ноги подвели. Куда я в таком виде поеду?

Настя видела, что ему не хочется вдаваться в детали. Ладно, все, что нужно, можно выяснить и без него. Но вообще-то странно, что у него не возникает потребности поделиться с ней. Насколько она знала Соловьева, тот всегда любил понять и пожаловаться, подробно рассказать, какой он несчастный и как его обидели. Он всегда нуждался в сочувствии. Впрочем, это было двенадцать лет назад. Теперь он, наверное, стал совсем другим. Как и она сама.

– Интересно, что ты сказала мужу, когда поехала сюда? – неожиданно сменил тему Соловьев.

– Какую-то неправду. Это несущественно. Он знает, что я целыми днями занята по работе, и не контролирует меня.

– Значит, он у тебя не ревнивый?

– Абсолютно, – солгала Настя не моргнув глазом.

Бедный Лешка! Да он с ума сходит от ревности к Соловьеву, несмотря на все ее уговоры и объяснения. Она вынуждена заставлять его страдать ради того, чтобы попытаться раскрыть тайну исчезновения юношей. Да стоит ли эта тайна его мучений? Есть ли вообще что-нибудь в этой жизни, ради чего имеет смысл заставлять страдать самого близкого ей человека? Конечно, Алексей больше ей слова не скажет по этому поводу, будет молча злиться и переживать, но разве от этого легче?

Настя просидела у Соловьева около двух часов. Они болтали, ужинали, вспоминали общих знакомых, старательно обходя острые моменты, связанные с их прошлыми отношениями и возможными отношениями сегодня. Настя то и дело ловила на себе настороженные взгляды помощника, но старалась не обращать внимания. Распростились они вполне дружески.

Домой она вернулась поздно и сразу кинулась к телефону звонить матери.

– Мама, ты помнишь своего аспиранта Володю Соловьева?

Голос Надежды Ростиславовны сразу стал холодным и напряженным. Она была в курсе тех давних событий.

– Помню. Но гораздо хуже, что его помнишь ты, – сдержанно ответила она.

– Да ладно тебе, мам, – рассмеялась Настя. – Я же не виновата, что у меня от природы хорошая память, я вообще ничего не забываю.

– В связи с чем ты его вспомнила? – продолжала допытываться мать.

– Я случайно с ним столкнулась по работе. Оказывается, его жена какое-то время назад погибла, а сам он теперь инвалид, ходить не может. Ты ничего об этом не слышала?

– Нет.

– А не могла бы разузнать? Он же из вашей среды, лингвист. Наверняка кто-нибудь из твоих коллег знает подробности.

– Почему бы тебе не спросить у него самого?

– Я пыталась, но он уклоняется. Давить не хочется. Ну мам...

– Ладно, – смягчилась Надежда Ростиславовна. – Я попробую узнать. Он что-то натворил?

– Да бог с тобой! Что может натворить Соловьев? Он, прежде чем сделать шаг, сто лет думает, а потом ничего не делает. Просто мне нужно знать подробности, чтобы правильно себя вести. А то ляпну что-нибудь не то, он обидится или рассердится, и контакта не получится.

– Странно, что тебе понадобились дополнительные условия для контакта с ним, – сухо заметила мать. – Раньше, по-моему, ты прекрасно с ним общалась.

– Мама!

– Ладно, ладно, не злись. Узнаю, что смогу. Алеша знает?

– Конечно.

– Господи, ну кого я вырастила! – вздохнула Надежда Ростиславовна. – В тебе никогда не было деликатности. Зачем ты его мучаешь?

– Я работаю, мама. А не развлекаюсь со старым любовником, – устало сказала Настя.

Она очень любила свою мать. Но в последние годы Надежда Ростиславовна совсем перестала ее понимать. Особенно после нескольких лет, проведенных за границей. С отцом Настя чувствовала себя гораздо уютнее, он всю жизнь проработал в милиции и все ее проблемы, что называется, ловил на лету.

* * *

Мать позвонила ей на работу на следующий день вечером, когда Настя уже собиралась уходить.

– Ты знаешь, это ужасная история, – взволнованно сообщила Надежда Ростиславовна. – Оказывается, Володина жена уехала в дом отдыха и пропала. Ее искали почти месяц, потом нашли в лесу. Какой-то подонок польстился на ее фотоаппарат. Убить из-за какой-то камеры! В голове не укладывается.

– Где это случилось?

– Не знаю, где-то в средней полосе. Но на Волге, это точно.

– А что случилось у него с ногами?

– С ногами что-то непонятное. Никто толком не знает, что за хворь его подкосила. Он ни с кем не делился. И только один человек сказал, что вроде бы Володю жестоко избили.

– Кто этот человек?

– Ты его не знаешь.

– Значит, узнаю, – жестко сказала Настя. – Так кто он?

– Малышев Артур Николаевич, доцент института иностранных языков. Ты будешь с ним связываться?

– Обязательно.

– Зачем?

– Затем. Так нужно, мама. Если его избили, я хочу выяснить, почему об этом ничего не известно в милиции. Если же нет, то нужно понять, с чего твой Малышев это взял.

– Какая тебе разница, с чего он это взял, если окажется, что это неправда?

– Разница очень большая, – терпеливо объясняла Настя. – Потому что даже самая дикая сплетня не возникает ниоткуда. Кто-то зачем-то ее придумал и пересказал другому. Даже если под ней нет никакой реальной фактуры, все равно в основе – чей-то замысел. Или умысел. А если фактура есть, то всегда следует разобраться, какая именно.

– Но, я надеюсь, у Артура Николаевича не будет неприятностей, если окажется, что избиение – это выдумка? – встревоженно спросила мать.

– Успокойся, ничего с ним не будет, с твоим драгоценным Малышевым. Если, конечно, не он сам это придумал. Телефон его дашь или мне самой выяснять?

Надежда Ростиславовна обреченно вздохнула и продиктовала адрес и телефон. Положив трубку, Настя стала собираться домой и уже достала из шкафа куртку, когда в кабинет ворвался Юра Коротков.

– Аська, кажется, мы его нащупали! – выпалил он. – Ой, сил нет никаких, убегался я сегодня. Сделай кофейку, будь человеком.

Он плюхнулся на стул и блаженно вытянул ноги. Настя молча повесила куртку обратно в шкаф и включила кипятильник. Поход домой откладывался как минимум на час.

– Рассказываю, – торжественно начал Коротков. – Неделю назад кто-то обчистил палатку, где продаются видеокассеты. Следов навалом осталось, но по учетам не проходят. Вор нам раньше никогда не попадался. Владелец палатки обзрел имущество и сказал, что украли не все подряд и не то, что в одной стопке лежало. Кассеты выбирали. Список украденного он сделал, но принцип отбора неясен. Не то чтобы сплошь детективы, или триллеры, или боевики, или фантастика, или эротика. Всего по чуть-чуть. Итого четырнадцать штук. И нашелся среди розыскников ушлый парнишка, который сказал, что смотреть все эти фильмы, чтобы понять, что в них общего, времени, натурально, нет, а вот титры просмотреть вполне можно, дело посильное. Нашли компьютер какой-то навороченный, который умеет с видеопленок кадры распечатывать на бумагу, посмотрели и обнаружили во всех фильмах одного и того же актера. Не звезда, конечно, так, эпизодник, имя неизвестное, да и на экране появляется в общей сложности минут на пять-семь в каждом фильме. Но внешность!

– С ума сойти, – тихо ахнула Настя. – Неужели похож?

– Один в один, – подтвердил Коротков, отпивая дымящийся кофе. – Я с фотографиями пропавших сличал. С Олегом Бутенко – просто одно лицо.

Олег Бутенко был первым из пропавших юношей. Сентябрь 1995 года. Обнаружен мертвым в декабре. Значит, все-таки маньяк-гомосексуалист. Хуже не придумаешь. Маньяков ловить – дело трудное и неблагодарное. С потерпевшими их обычно ничто не связывает, предварительного знакомства зачастую нет, личного мотива тоже нет. Как ловить? Как потом доказывать, если сам не признается?

Правда, в этом деле были хоть какие-то зацепки. Во-первых, следы, которые преступник оставил на месте кражи видеокассет. Во-вторых, у него должно быть место, где он держит несчастных мальчиков, пока они не умрут. И в-третьих, тоненький и зыбкий след, ведущий в район коттеджной застройки «Мечта»...

Трясаясь в пустом вагоне метро, Настя мысленно рисовала схему необходимых действий. Первое: прояснить вопрос с охраной палатки. Почему она в ту ночь оказалась такой уязвимой? Все палатки в этом месте не имеют сигнализации или только эта одна? Кто мог знать, что ночью палатка останется незащищенной? Второе: почему обокрали именно эту палатку? А не другую, в другой части города, на другой улице? Потому, что только она не охраняется, или потому, что вор живет поблизости? Третье: откуда вор узнал, что в этой палатке есть все интересующие его кассеты? Подходил, спрашивал? Или действовал наугад, потому что набор кассет в принципе одинаков всюду? Четвертое: не давали ли в этой палатке кассеты напрокат? Если так, то, возможно, вор брал там кассеты, и не один раз, потому и осведомлен об имеющемся ассортименте фильмов. И если он бывал там неоднократно, то мог случайно услышать информацию, касающуюся охраны в ночное время. Надо проверить все пункты проката видеокассет, взять у них тетради регистрации и выписать всех, кто брал те фильмы, которые были украдены. Работы – море, но не делать ее нельзя. Все-таки это реальный след. Пятое: почему он украл кассеты, вместо того чтобы просто их купить без всяких хлопот? Дорого? А держать мальчишек на наркотиках неделями – не дорого? Можно ведь было и не покупать, а взять напрокат, что намного дешевле, и переписать. Правда, для этого нужен второй видак. Что, неужели взять не у кого?

Человек, обокравший палатку, никак не увязывался в Настином представлении с человеком, похищающим юношей, который держит их подолгу в своей домашней тюрьме и от души кормит наркотиками. Впрочем, она напрасно пытается увязать одно с другим. Логика сумасшедшего не похожа на логику психически здоровых. Может быть, для него принципиально важно было именно украсть эти кассеты. Может, он от этого кайф ловил.

Когда Настя вышла из метро на «Щелковской», было уже совсем темно. От напряженной работы и множества выкуренных в течение дня сигарет голова была тяжелой, и ей захотелось немного пройтись. Она двинулась было мимо автобусной остановки, но спохватилась, что уже поздно и Лешка, наверное, волнуется. Лучше сесть в автобус. Сегодня она не брала у мужа машину, и Алексей может быть совершенно уверен, что она не у Соловьева. Не потащится она в такую даль без машины. Но он же все равно волнуется. Тем более что год назад ее чуть не убили прямо рядом с домом, когда она вот так же вечером возвращалась с работы. В тот раз ее спасло чудо в лице человека, который сам погиб спустя несколько дней после этого. Второго такого чуда уже не будет, нечего и рассчитывать.

Проехав четыре остановки на автобусе, Настя вышла и пристроилась за парочкой, которая шла в нужном ей направлении. Дорога от остановки до дома была неприятной во всех отношениях – неосвещенной, пустынной, в колдобинах, так что поздним вечером прогулка здесь не приносила ничего радостного. Увлеченная друг другом парочка благополучно «дотащила» Настю до самого подъезда и проследовала дальше, вероятно, в поисках счастья или, на худой конец, уединенного местечка.

В подъезде тоже было темно, но уже не так страшно, все-таки своя территория. Выйдя из лифта у дверей своей квартиры, она внезапно вспомнила дом Соловьева. Просторная прихожая, широкое крыльцо...

Ключи забились куда-то в угол необъятной сумки, Настя никак не могла их нашарить, бросила бесплодные попытки и нажала на кнопку звонка. К ее удивлению, по ту сторону двери было тихо. Может быть, Лешка смотрит телевизор и не слышит? Она позвонила еще раз. Никакой реакции. Пришлось все-таки искать ключи.

А Алексея дома не было. Настя припомнила, что и машины его она возле подъезда не видела. Это было странно и почему-то неприятно. Она быстро разделась, закуталась в теплый халат и уселась на кухне, поставив перед собой огромную миску с салатом из огурцов и помидоров с петрушкой и укропом.

Она любила свою квартиру, здесь ей всегда было хорошо, уютно, спокойно. Правда, квартирка крошечная, однокомнатная, в прихожей двоим не разойтись, санузел совмещенный, но Насте не было тесно. Даже вдвоем с Лешкой они чувствовали себя нормально и вполне удобно. Однако после того, как она побывала в «Мечте», ее собственная квартира стала казаться какой-то не такой. И ведь дело не в том, что Настя до этого ни разу не видела хорошего жилья. Вовсе нет. Взять хотя бы квартиру ее сводного брата Саши – хоромы, за час не облетишь. Настя бывает в семье брата раз или два в месяц, но никогда после этого квартира на «Щелковской» не кажется ей чужой, тесной и смешной. Может быть, оттого, что брат Саша изначально был другим, не таким, как она сама. У него другое образование, другое мышление, другая профессия. Александр Каменский – бизнесмен, банкир, человек богатый, энергичный, с мозгами, настроенными на коммерческую волну. Поэтому тот факт, что и живет он совсем по-другому, воспринимался как нечто совершенно естественное.

А Володя Соловьев был из той же породы, что и сама Настя. Человек, имеющий способности к иностранным языкам и живущий этим. Обыкновенный гуманитарий. Не делец, не фирмач. Переводчик. Настя могла бы точно так же работать в издательстве и переводить книги, если бы не отдала в свое время предпочтение милиции, зловонным трупам, плачущим пострадавшим и сомнительным радостям разоблачения преступников. И то обстоятельство, что она могла бы жить так же, как живет сейчас Соловьев, делало ее взгляд, которым она обводила свою квартиру, более пристальным и придиричивым.

«Почему я живу в таком убожестве? – думала она, машинально глотая салат и не чувствуя вкуса. – Почему? Я же не нищая, если судить по общепринятым меркам. Врачи и учителя получают гораздо меньше, не говоря уж о пенсионерах. Куда деньги деваются? Их хватает каждый раз строго до дня зарплаты. Наверное, я не умею их правильно тратить. И еще

очень важный момент: у меня совсем нет свободного времени. А это означает, что я вынуждена покупать дорогие продукты. Когда я училась в университете, то покупала в мясном магазине почки, они стоили очень дешево, но на приготовление нужно было убить полдня. Сначала вымачивать часа четыре, потом вываривать, потом тушить. Сейчас у меня нет на это времени, я прихожу домой хорошо, если в десять вечера, а утром убегаю в восемь». Ходить по магазинам днем возможности нет, и ей приходится покупать продукты в палатках возле метро, а это значительно дороже. Раньше можно было купить «докторской» колбасы, и хотя она была омерзительной, процентов на девяносто из крахмала и бумаги, но, поколдовав над ней полчаса, можно было получить нечто вполне съедобное. Сначала поварить в воде со специями, потом положить на толстый кусок хлеба, намазать кетчупом, посыпать мелко нарубленной зеленью и чесноком, сверху положить кусок сыра – и в духовку или в сковороду под крышкой на маленький огонь. После таких манипуляций бумажно-крахмальную колбасу можно было употреблять в пищу даже не без удовольствия, но ведь сами манипуляции требовали времени. А какое уж тут время, когда приходишь домой в десять и чуть не в обморок падаешь от голода? Вот и приходится покупать карбонад или построму, это раза в три дороже, зато вкусно и не требует готовки. Отрезал – и можно есть.

Все равно, даже если бы Настя вдруг начала экономить на еде, ей не удалось бы скопить денег на такой дом, как у Соловьева. Это совсем другой уровень доходов. И она никак не могла понять, почему человек, знающий три иностранных языка, может жить в таком удобном и красивом доме, а другой человек, знающий пять языков, да к тому же приносящий обществу пользу своей тяжелой, грязной, но такой необходимой работой, так вот этот второй человек вынужден по своим доходам жить в крошечной тесной квартирке с совмещенным санузлом. Она ни минуты не сомневалась в том, что ее бывший возлюбленный – человек честный. Он не вор и не мошенник. И деньги у него чистые, честно заработанные. Просто есть некоторая неправильность, что ли, в том, как устроена наша сегодняшняя жизнь. И следствием этой неправильности как раз и является то различие, которое существует между Настей и Соловьевым и которого, по строгому счету, быть вообще-то не должно.

Внезапно она поймала себя на том, что с удовольствием думает о Соловьеве. И о том, что завтра опять поедет к нему.

«Ты не права, Настасья, – устало сказала она себе. – Ты должна работать, а ты продолжаешь думать об удовольствии. Выкинь из головы всякие глупости, ты уже не в том возрасте, когда простительно делать такие ошибки. Тем более во второй раз».

Настя доела салат, вымыла миску, постояла минут пятнадцать под горячим душем, чтобы расслабиться и согреться, и залезла в постель. Она хотела было позвонить родителям мужа в Жуковский – может быть, он поехал их навестить. Уже потянулась к телефонной трубке, но остановилась. Не надо. Подумает еще, что она его проверяет. И потом, а вдруг его там нет и родители не знают, где он? Уж что-что, а задачи «поймать» Лешку она себе никогда не ставила. И совсем не потому, что была стопроцентно уверена в его бесконечной верности. Леша – нормальный живой мужчина, которому в любой момент может понравиться красивая, интересная, сексуальная женщина, совсем не похожая на Настю, такую невзрачную, холодноватую и совершенно лишенную сексуальности. С точки зрения теории вероятностей, это было вполне допустимо, но Настя никогда не считала, что ей необходимо об этом знать. Зачем? Из без малого тридцати шести прожитых лет она знакома с Чистяковым двадцать. Больше половины жизни. Они состарятся вместе, они всегда будут рядом, и, что бы ни случилось, они останутся самыми близкими друг другу людьми. Это утверждение проверено опытом и сомнению не подлежит. И потом, разве сама она без греха? Вот уж нет.

Короче говоря, Лешкиным родителям она звонить не стала. Но когда уже собралась погасить свет, зазвонил телефон.

– Настя? – послышался в трубке неуверенный голос.

Павел Иванович, отец Саши Каменского. Ну и Настин, разумеется, тоже.

– Да, я слушаю, – ответила она, пытаясь скрыть удивление.

Каменский-старший звонил крайне редко. С Настинной матерью он развелся, когда Настя была совсем крохой, и с дочерью общался только по большим праздникам, и то по телефону. Правда, после того, как Настя подружилась с сыном отца от второго брака Александром и его женой Дашей, Павел Иванович вроде бы тоже начал звонить почаще. Но все равно он как был, так и остался для Насти абсолютно чужим человеком, к которому она не испытывала ровно ничего – ни симпатии, ни неприязни. Второго мужа матери, своего отчима, Настя обожала, боготворила и всю жизнь называла папой, а Павла Ивановича для нее как бы не существовало.

– Настя, я звоню, чтобы предупредить... – Павел Иванович замялся. – Там с Дашенькой беда, и твой Алексей поехал Саше помочь.

– Что с Дашей? – перепугалась Настя.

– Ну... там... это... – мямлил Каменский-старший, но Настя уже сама догадалась.

Даша была беременна, четвертый месяц. Наверное, выкидыш.

– Как это случилось?

– Не знаю. Саша позвонил примерно часа два назад уже из больницы. Сказал, что Алексей должен привезти какого-то хорошего врача. Заодно попросил меня тебе позвонить, чтобы ты не волновалась. Ты не сердись, Настя, что твоего мужа на ночь глядя из дома выдернули, но Саша в такой панике, он так переживает за Дашеньку. Пусть Алексей побудет с ним. Хорошо?

– Хорошо. Спасибо, что позвонил, – ответила Настя.

«Спасибо, что позвонил сегодня, а не завтра, – добавила она мысленно. – Я пришла домой час назад. И, будь у меня другой характер, я за этот час уже с ума сошла бы от волнения, куда это мой муж подевался без предупреждения, даже записки не оставил. А ты, папенька, вместо того чтобы звонить мне каждые пять минут, стараясь поймать прямо у порога, когда я приду, и не заставляя нервничать, звонишь черт знает когда. Кино, что ли, по телевизору смотрел? Твое счастье, что у меня характер спокойный и я в панику не впадаю с первой же секунды. С Дашенькой беда... Меня ты за всю жизнь ни разу не назвал Настенькой. Боже упаси, я не ревную. Дашка – изумительное существо, живое чудо с синими глазами, я сама ее люблю ужасно, и мне трудно представить человека, который мог бы ее не любить. Но ведь я твоя дочь. Или нет? Или я для тебя просто ребенок женщины, на которой ты когда-то был женат, совершенно случайно, по глупости и очень недолго?»

Но думать о Павле Ивановиче было неинтересно, он слишком мало значил в Настинной жизни. Гораздо больше ее беспокоило здоровье жены брата. Первому ребенку – маленькому Сашеньке – не было еще и года, он родился в начале июня. Настя с самого начала не была уверена, что Даша поступает правильно, собираясь рожать второго ребенка с таким маленьким интервалом. Но ей очень хотелось девочку. И Саня был так счастлив! Бедная Дашунька, будет жаль, если ребенка не удастся сохранить. Хотя, с другой стороны, какие ее годы! Двадцать лет. Еще успеет родить с десяток, было бы желание. Главное, чтобы сейчас не случилось ничего серьезного, влияющего на способность к зачатию и вынашиванию плода в будущем.

Значит, Лешка где-то в больнице, рядом с Сашей. Что ж, это правильно, Лешка человек уравновешенный и хладнокровный, иногда даже чересчур, но в данном случае это как раз то, что нужно, чтобы сдерживать паникующего Сашу. И врачи экстра-класса среди его знакомых действительно есть. Он когда-то работал на полставки в НИИ медтехники, разрабатывал программы компьютерной диагностики и с тех пор оброс обширными знакомствами в медицинских кругах. Привез, наверное, какое-нибудь светило. Настя представила себе, как позвонил Саша и срывающимся от страха голосом заорал, что у Даши кровотечение и он

не знает, что делать. Дашка умирает! Саша Каменский обладал удивительной способностью мгновенно начинать видеть все в черном свете и считать, что все кончено и поправить уже ничего нельзя. Причем, что характерно, его бизнеса это почему-то совершенно не касалось и проявлялось только тогда, когда речь шла о Даше. Наверное, он ее любил до умопомрачения и совершенно терял рассудок, когда с ней что-нибудь случалось. Конечно, Леша тут же сорвался и поехал приводить Саню в чувство и брать дело в свои руки. Какие уж тут записки...

Внезапно Настя снова включила свет и потянулась к телефону. Номер Соловьева она успела набрать прежде, чем ответила сама себе на вопрос: зачем она это делает?

– Я тебя разбудила? – виновато спросила она, услышав в трубке его мягкий голос.

– Нет, я поздно ложусь.

– Как твои дела?

– Спасибо, хорошо. Ты звонишь, чтобы спросить об этом?

– Честно говоря, я сама не знаю, зачем звоню. Но, по всей видимости, мне этого очень захотелось. Иначе я бы этого не сделала.

– Логично, – усмехнулся Владимир Александрович. – Даже в таком тонком и эмоциональном вопросе ты пытаешься оперировать логикой. А как твои дела?

– Тоже нормально. Как обычно.

– Ты дома?

– Конечно. Где еще я могу быть в такое время?

– А как же муж? Не боишься, что он услышит, как ты со мной разговариваешь?

– Не боюсь. Если бы боялась, не звонила бы.

– Тоже логично, – согласился он. – В любом случае я рад, что ты позвонила.

– Правда?

– Правда.

В его голосе она снова слышала те интонации, от которых когда-то начинала кружиться голова.

– Человек быстро привыкает к хорошему, – продолжал Соловьев. – Позавчера ты мне позвонила, вчера приехала, и сегодня у меня уже появилось чувство, что мне чего-то не хватает. А вот ты сейчас позвонила, и я понял, чего именно. Я уже соскучился по тебе.

– Я тоже, – улыбнулась она. – Я завтра приеду, если у тебя нет других планов.

– В котором часу?

– Около восьми. Договорились?

– Я буду ждать.

– Целую тебя, – мягко сказала она. – Спокойной ночи.

Вот так, Соловьев. Ты уже по мне скучаешь. С чего бы это? Я-то ладно, про меня речь не идет, я всегда неровно к тебе дышала. Но ты? Ты же меня за человека не держал. Я для тебя была всего-навсего взрывоопасной маминой дочкой, которая может причинить кучу неприятностей, если обращаться с ней неаккуратно. Приборчик такой. Тогда, двенадцать лет назад, ты страшно испугался, что, оттолкнув меня, навлечешь на себя гнев научного руководителя, а близость со мной может неизбежно привести к обсуждению вопроса о твоём разводе и женитьбе на мне. Ты меня не любил и жениться на мне не хотел. Но тебе и в голову прийти не могло, что о нашем романе моя мама никогда не узнает. Ты был уверен, что я все ей рассказываю. А у меня такой привычки никогда не было. Мама узнала об этом много лет спустя и, надо сказать, ужасно удивилась. Короче, испугавшись моей мамы, ты начал со мной спать и, испугавшись ее же, впоследствии меня бросил. А сейчас наши отношения тебе ничем не угрожают. Ты не женат, зато я замужем. Поэтому ты прочно застрахован от матримониальных поползновений с моей стороны. А если такое и случится, то твоя болезнь – лучшая защита. Никто и ни при каких условиях не сможет заставить тебя жениться на ком

бы то ни было. Поэтому теперь можно и пофлиртовать. Сейчас жизнь у тебя скучная, одинокая, и хоть ты и бодрисься, делаешь вид, что никто тебе не нужен, но на самом-то деле это не так. Ты всегда был душой компании, ты постоянно был в центре внимания, а за каких-то два года нельзя полностью измениться, отойти от годами сформированных привычек и стереотипов. Тебе нужен рядом человек, который бы тебя любил. При этом твои чувства никакого значения не имеют. Можно и обмануть ради такого случая. Ты говоришь, что считаешь по мне? Возможно. Завтра ты начнешь делать вид, что увлекся мной, и вот это уже будет неправдой. Ты будешь притворяться, чтобы я продолжала приезжать, чтобы ты по-прежнему чувствовал мою влюбленность, ощущал ее, дышал ею. Эмоциональный вампир. Господи, как сильно я тебя любила...

Глава 4

Артур Николаевич Малышев оказался молодым пятидесятилетним красавцем с неожиданно тихим голосом.

– Берегу горло, – пояснил он, заметив, что Настя с напряжением вслушивается в его речь. – По шесть часов в аудитории каждый день – это вам не кот начхал. А по вечерам еще курсы, подрабатываю на хлеб насущный. Так что между занятиями стараюсь говорить почти шепотом.

О Соловьеве он знал не так уж много, они никогда не были особенно дружны и к одной компании не принадлежали. Просто в аспирантуре учились в одно и то же время, хотя и на разных кафедрах. О том, что с Владимиром Александровичем случилось несчастье, Малышев узнал от жены, а та, в свою очередь, от какой-то знакомой, работавшей в «Скорой помощи». Приятельница оказалась поклонницей «Восточного бестселлера», потому и выделила Соловьева из великой массы людей, которых доставляли в больницы на машинах «Скорой».

– Вы не могли бы припомнить точно, что именно сказала ваша жена, ссылаясь на приятельницу? – спросила Настя.

– Что, мол, известного переводчика Соловьева кто-то избил и его «Скорая» забрала прямо с улицы. Вот и все, больше никаких подробностей.

– А приятельница? Вы ее знаете?

– Нет, к сожалению. Даже не знаю, как ее зовут.

– Как же это может быть? – удивилась Настя. – Вы не знаете подруг своей жены?

– Она не подруга, просто знакомая. Жена познакомилась с ней в больнице. По-моему, они пару раз перезванивались после этого, но у нас в гостях эта женщина ни разу не была.

– В какой больнице они познакомились?

Малышев явно растерялся.

– Я... не знаю.

– Артур Николаевич, так не бывает. Вы чего-то недоговариваете?

Он покраснел и принялся сосредоточенно искать зажигалку, которая лежала прямо у него перед глазами.

– Видите ли... В общем, жена делала аборт. Я в это время был в отъезде. Она не хотела, чтобы я знал об этом. Поэтому совершенно естественно, что я не знаю, в какой больнице она была.

– Но вы же все равно узнали о том, что она делала аборт, – заметила Настя.

– Да.

Малышев поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Нет смысла скрывать от вас. Раз вы работаете в милиции, то все равно не успокоитесь, пока не выясните, верно?

– В общем, верно, – согласилась она.

– Тем более что об этом знает весь институт. Мы с женой расстались. У нее появился другой мужчина. От него она и была беременна, когда делала аборт. Поэтому и от меня хотела скрыть. Какое-то время ей это удавалось. Потом этот мужчина предложил ей вступить в брак и уехать с ним за границу. У него какая-то крупная фирма в Кот-д'Ивуаре. Вот, собственно, и все.

– Простите, – виновато сказала Настя. – Я не хотела вынуждать вас говорить о том, что вам неприятно. Но мне очень нужно разыскать эту приятельницу из «Скорой помощи». Вы ничего мне не подскажете?

– Нет. – Малышев развел руками.

– И с вашей женой никак связаться нельзя?

– У меня нет ее телефона. Она же там, в Гвинее. То есть в Кот-д’Ивуаре.

– Понятно, – вздохнула она. – Может быть, у вашей бывшей жены есть подруги, которые могли бы знать, в какой больнице она лежала?

Малышев назвал несколько имен, которые Настя старательно записала в блокнот.

– Но я не уверен, что вам это поможет, – предупредил он. – Моя жена была очень скрытной и осторожной, никому не доверяла, особенно женщинам. Все-таки она старалась сохранить в тайне свою связь с этим миллионером, и ей это удавалось довольно долго. Если бы она делилась с подругами, все выплыло бы наружу гораздо раньше.

– Артур Николаевич, – улыбнулась Настя, – не хочу вас разочаровывать, но мужья всегда узнают последними, это же старая истина. Возможно, все ваше окружение давно знало о ее романе.

– Нет, – покачал он головой. – Я уверен, что это не так.

Настя не понимала, на чем основана его непоколебимая уверенность, но углубляться не стала. Зачем лишний раз травмировать человека?

Однако ее надежды на подруг бывшей жены доцента Малышева не оправдались. То ли они были не такими уж близкими, эти подруги, то ли дама и в самом деле была весьма скрытной особой, но никто из них не смог точно назвать больницу, где она делала аборт. Да и немудрено, больниц в Москве великое множество, а аборт – не тот случай, когда подруги бегают навещать. Всего-то три дня, а бывает, что и один. Утром пришла – вечером ушла. Путь был один: проверять подряд все больницы и искать ту, в которой два года назад лежала Анна Сергеевна Малышева. Потом брать список всех женщин, которые находились в этой больнице одновременно с ней, и искать среди них работника «Скорой помощи». Работа огромная, трудоемкая, а ради чего? Ведь не преступника ищем, а всего лишь женщину, которая почему-то утверждает, что Соловьева избили. Причем совершенно непонятно, то ли она сама была в составе бригады, увозившей его в больницу, то ли услышала об этом от кого-то из коллег. Ну, допустим, найдет Настя эту женщину, установит точно, что Владимира Александровича действительно избили. И дальше что? Какое это имеет отношение к пропадающим мальчикам? Какая связь с сумасшедшим, укравшим из палатки кассеты? Никакой. И никто никогда не позволит ей тратить драгоценное рабочее время на то, чтобы выяснить правду о бывшем любовнике, который ни в чем криминальном не замешан и даже не подозревается.

А действительно ли не замешан и не подозревается?

Настя Каменская была не из тех людей, которые боятся говорить правду самим себе.

* * *

– Не лезь к ним, – сердито сказал Виктор Алексеевич Гордеев. – Не светись со своими соображениями.

Он был зол с самого утра, к вечеру немножко поутих, но все равно в голосе явственно слышалось усталое раздражение. Настя еще утром подготовила записку с перечнем первоочередных мероприятий по поиску вора, укравшего кассеты из палатки, и сейчас пришла к начальнику поинтересоваться, сделано ли по этой записке хоть что-нибудь. Оказалось, что не сделано практически ничего. Опять в дело вмешалась межведомственная политика. Кража из палатки была мелочью, которой занимался округ и которая ни при каких условиях не могла попасть на Петровку, если не появятся какие-то особо веские соображения. Соображения эти были и у Гордеева, и у Насти Каменской, но беда вся в том, что лично им окружное управление не подчинялось. А оглашать эти соображения, доводить их до сведения руко-

водства городского управления и требовать объединения дел полковник Гордеев не хотел категорически.

– Ты пойми, – объяснял он Насте, – о том, что исчезновение девяти мальчиков – дело одних и тех же рук, знаем только мы. И то не знаем наверняка, а только подозреваем. Нас четверо. Коротков, Селуянов да мы с тобой. И все. Ты понимаешь, что может произойти, если мы обнародуем свои сомнительные подозрения? Да если мы сегодня только заикнемся о том, что среди массы пропадающих юношей выделяется группа с семитским типом лица, то завтра все скандальные газеты на первых полосах поместят заметки о том, что в Москве действует подпольная антисемитская организация. Этим газеткам ведь что важно? Чтобы их раскупали. А для этого все средства хороши – и непроверенные данные, и слухи, и откровенное вранье. Лишь бы привлечь внимание людей, охочих до жареного с клюквенным соусом. Что будет дальше, догадываешься? Московские евреи впадут в панику. Начнут требовать принятия срочных мер и утверждать, что власти их не защищают, потому что они – евреи. Нельзя, деточка, рубить сплеча в таком деликатном вопросе. Я не уверен, что среди городского руководства имеется достаточное количество умных и тонких политиков, которые сумеют погасить скандал, никого при этом не обидев. Национальный вопрос – самый больной во все времена. И самый трудный. Он требует душевной чуткости, терпения и дальновидности. И все наши слова о том, что это дело рук маньяка, которому просто нравятся юноши с такой внешностью независимо от их национальности, окажутся гласом вопиющего в пустыне. Этого никто не услышит, потому что найдется масса людей, которым выгодно будет свести проблему к национальному вопросу и раздуть из этого громкий скандал. Выборы же на носу, не забывай.

– Я не забываю, – вздохнула Настя обреченно. – Но ведь в округе этого сумасшедшего вора искать не будут. Я имею в виду как следует искать. Тоже мне, фигура.

– А тот паренек, который догадался титры посмотреть? Он, судя по всему, толковый, и хватка есть. Думаешь, он сам не справится?

– Да кто ж ему даст! – безнадежно махнула она рукой. – Никто и не поймет, чего он так упирается с этой палаточной кражей. Дело-то мелкое. Нагрузят на паренька полтора миллиона поручений, он про этого вора и думать забудет через два дня.

– А давай мы их обманем, – вдруг предложил Виктор Алексеевич.

– Каким образом?

– Какой это округ?

– Западный. В районе метро «Молодежная».

– На этой территории есть какое-нибудь наше дело?

– Даже два, – кивнула Настя, догадавшись, что задумал ее начальник. – Один труп у Селуянова, другой – у Игоря Лесникова. По тому убийству, которым Селуянов занимается, из квартиры похищены ценные вещи, картины, украшения. Годится?

– Годится. Соображаешь, – коротко похвалил Гордеев.

Уже через полчаса он сумел устроить так, чтобы к работе по убийству был подключен оперативник из Западного округа, занимающийся кражами и имеющий возможность отслеживать пути сбыта похищенного. Именно тот оперативник, который и был им нужен. И никто теперь не сможет упрекнуть его в том, что он выполняет указания, поручения и просьбы сыщиков с Петровки, из отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями.

Встречу с этим оперативником Настя отложила на завтрашнее утро и поехала к Соловьеву.

* * *

– Ну, – насмешливо сказала Настя, усаживаясь в удобное мягкое кресло, – рассказывай, как ты по мне скучал.

– Сильно, – так же насмешливо отозвался Соловьев.

Сегодня он показался Насте немного другим, не таким, каким был в день своего рождения. В глухом синем свитере, со взъерошенными волосами и смеющимися глазами, он больше напоминал того Соловьева, которого она знала много лет назад, – уверенного в себе, довольного жизнью, всегда готового к шутке и улыбке.

Андрея в этот раз дома не было, он уехал в издательство за авторскими экземплярами очередной книги. Без него Настя чувствовала себя намного свободнее, она всегда плохо переносила чью-либо неприязнь к себе, даже тщательно скрываемую. Они устроились в гостиной, принесся из кухни кофе и бутерброды. Настя хотела было предложить свои услуги по части приготовления ужина, благо продуктов было достаточно, но промолчала, подумав, что трепетный помощник будет недоволен, увидев, как кто-то чужой хозяйничал в доме без него.

– А ты по мне скучала? – спросил Владимир.

– Немного, – улыбнулась она. – В промежутках между срочными заданиями, переговорами и подготовкой текстов соглашений. Мы начнем выяснять отношения или поговорим о чем-нибудь более интересном?

– Наши отношения – это и есть самое интересное. Разве нет?

Настя внимательно посмотрела на Соловьева. Он что, всерьез собрался ее охмурить по старой памяти? Ну и самомнение!

– Наверное, – кивнула она. – Но ты же знаешь, нельзя дважды войти в одну воду. Мы оба изменились за эти годы. Поэтому говорить о наших прошлых отношениях смысла нет, а для нынешних мы еще недостаточно хорошо знаем друг друга. И если мы с тобой решим, что наши сегодняшние отношения – это предмет для обсуждения, то нам нужно просто поговорить друг о друге.

– Ты невыносима! – рассмеялся Соловьев. – Ты растеряла за эти годы весь романтизм и стала сухой, деловой и устрашающе логичной. Почему ты считаешь, что я стал другим? Я тот же самый. Я точно такой же, как тот Соловьев, которого ты когда-то любила.

– Не может быть, – мягко заметила она. – За эти годы много чего произошло и в твоей жизни, и в моей. И оставило свой след, весьма, надо сказать, заметный. Ты пережил трагедию, потеряв жену. Потом ты лишился возможности ходить. Ты стал богатым и довольно знаменитым. Как же ты можешь утверждать, что не изменился?

– Насчет богатства ты права, а насчет того, что я стал знаменитым, – сомнительно.

«А насчет жены и болезни? – тут же мысленно спросила Настя. – Делаешь вид, что не слышал? Почему? Почему ты так старательно избегаешь это обсуждать?»

– Ничего сомнительного, – быстро ответила она. – Тебя знают читатели.

– Откуда ты это взяла?

На лице его Настя увидела неподдельный интерес. Соловьев всегда был тщеславен, и разговоры о славе ему нравились. Но в данном случае он не кокетничал и не напрашивался на комплимент, ему действительно было интересно.

– Врач со «Скорой помощи», которая увозила тебя в больницу, является твоей поклонницей.

Теперь на его лице была злость, черты заострились и как бы застыли, словно он из всех сил сдерживается, чтобы не сказать какую-нибудь резкость.

– Она тут же стала звонить своим знакомым и рассказывать, что того самого Соловьева, который переводит «Восточный бестселлер», жестоко избили на улице. Очень она тебя жалела. Прямо испереживалась вся.

Теперь Настя была уже совершенно уверена, что разговоры про избиение – правда. Но почему это не прошло по сводкам? Ведь это тяжкое преступление, если в результате человек стал инвалидом. За такое можно было лет восемь схлопотать. Соловьев покрывает преступника, это очевидно. Потому и не хочет говорить об этом. Кого же? Сына? Очень может быть. А врачи что же? Они ведь обязаны были сообщить в милицию при поступлении в больницу жестоко избитого человека. Почему же не сообщили? Потому что никому ни до чего нет дела. Потому что уже несколько лет никто не делает то, что обязан делать по закону или по инструкции. Потому что все думают только о себе и всем наплевать на чужую беду. Черт знает что.

– Она и мне тогда позвонила, – продолжала Настя без паузы, как ни в чем не бывало. – Собственно, именно с того момента я и стала подумывать о том, чтобы навестить тебя.

– Ты долго думала, – сухо откликнулся он. – Почти два года.

– Да, – согласилась она, – долго. Я тогда собиралась замуж и все никак не могла решить, правильно ли будет ехать к тебе. Я ведь не знала, что Светланы больше нет. Думала, колебалась, уговаривала себя. Потом как-то поостыла, потом начались предсвадебные хлопоты, потом медовый месяц. Но я все-таки приехала.

– Ты правильно поступила. Ты даже не представляешь себе, как я рад, что ты снова появилась в моей жизни.

Настя видела, что он хочет сменить тему, и не стала упорствовать. Но говорить о чувствах она сейчас не собиралась.

– Скажи, пожалуйста, какая из этих восточных книжек кажется тебе наиболее удачной? – спросила она. – Я доверяю твоему вкусу. Какую назовешь – ту и прочту.

– Читай все подряд, не ошибешься. Они все отличные. И сюжет, и типажи, и диалоги.

– Но должна же среди них быть лучшая, – настаивала Настя. – Твоя самая любимая.

– Любимая? Тогда «Клинок». Но ее уже нет в продаже, она в прошлом году прошла. Если надумаешь прочесть, я тебе свою дам.

– Спасибо, прочту обязательно.

Разумеется, она прочтет. И «Клинок», и все остальные книги, которые он переводил. Просто для того, чтобы понять, почему именно эту книгу он назвал своей любимой. Скажи, какая книга тебе нравится, и я скажу тебе, о чем ты думал, когда ее читал. «Остановись, – одернула она себя, – что ты делаешь? Зачем тебе знать, о чем он думал и что чувствовал, когда переводил книгу? Ты что, задумала его разрабатывать? С какой стати? Только потому, что он пытается скрыть от тебя и от окружающих факт избиения? Возьми себя в руки, Настасья. Признайся честно: он тебе по-человечески интересен? Ты снова увлечена? Если да, то ты полная дура, как это ни прискорбно. Если нет, то оставь его в покое и не лезь к нему в душу».

* * *

Геннадий Свалов, оперативник из Западного округа, был молодым и больше смахивал на «нового русского», чем на традиционного работника уголовного розыска. Крепкий, коренастый, коротко стриженный, он ездил на симпатичном синем «Фольксвагене» и не расставался с сотовым телефоном. Настя знала, что минута разговора по сотовой связи стоит доллар, при милицейской зарплате это было дороговато. Подрабатывает парнишка где-то, с неодобрением подумала она.

– А я вас помню, – радостно сообщил он Насте. – Вы у нас в «вышке» занятия по криминалистике вели.

Вполне возможно. Каждый год перед тем, как слушатели выпускного курса уходили на стажировку, Настя договаривалась о том, чтобы провести несколько практических занятий. Цель мероприятия состояла в том, чтобы высмотреть наиболее толковых и нестандартно мыслящих ребят. После этого в дело включался Виктор Алексеевич Гордеев, который добивался, чтобы именно этих ребят прислали к нему стажироваться. Во-первых, рабочие руки всегда нужны, а во-вторых, из этих стажеров впоследствии отбирались новые сотрудники.

– Вы тогда еще Олега Мещеринова перевели к себе на стажировку, помните? – продолжал Свалов.

Она помнила. Это было одно из самых тягостных воспоминаний. Олег показался ей на занятиях толковым и сообразительным, она выделила его одного из всей группы слушателей. Но оказалось, что эти качества Мещеринова использовались не только в отделе по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. Олег двурушничал, работал на сторону противника, мешал раскрытию преступления, а в итоге... Мещеринов убил участкового Женю Морозова, майор Ларцев остался инвалидом, а сам Олег погиб. Они стреляли друг в друга, но Ларцев сделал это более метко. Он хорошо владел табельным оружием. Интересно, знает ли Свалов, при каких обстоятельствах погиб его сокурсник?

Настя подробно объяснила Геннадию свой план сбора сведений, который может помочь вычислить вора-кинолюбителя. Работа предстояла трудоемкая и, похоже, энтузиазма у молодого оперативника не вызвала. Более того, Насте показалось, что он не очень хорошо улавливает ход ее рассуждений.

– Это что же, по всем пунктам проката ездить? – недовольно протянул он.

– Не только ездить, но и выписывать фамилии тех, кто брал интересующие нас фильмы.

– Так там же документов не спрашивают, мало ли кто какую фамилию назовет.

– Это не должно тебя беспокоить. Сначала нужно все эти фамилии собрать, а уж потом подумаем, как с ними работать, – терпеливо говорила Настя.

– Да как же с ними работать, если они липовые? – искренне недоумевал Геннадий.

Настя начала злиться. Похоже, паренек ищет самые легкие пути. Странно, как он смог догадаться проверить титры четырнадцати фильмов. Подсказал кто-нибудь, что ли?

– Во-первых, неизвестно, пользовался ли вор липовыми фамилиями. Может быть, он и не видел в этом необходимости, особенно если не планировал кражу заранее. А во-вторых, мы вообще не знаем, обращался ли он в пункты проката.

– Так что, такая огромная работа может оказаться напрасной? – изумился Геннадий.

– Может, – кивнула Настя. – Но делать ее все равно нужно. Речь идет о возможном убийце, и делать нужно все, что может дать результат. И запомни, пожалуйста: о деталях распространяться не нужно. Я имею в виду пропавших и погибших юношей. Ты меня понял?

Ей казалось, что он не понял ровным счетом ничего. Пожалуй, с этим Сваловым они промахнулись, но пути назад не было. Он включен в группу, и он все знает про несчастных мальчиков. Отступить некуда.

* * *

Вечером Настя поехала в больницу к жене брата. Брат, конечно, постарался, и Даша лежала в отдельной палате с телевизором и холодильником. Взглянув на бледное лицо молодой женщины, Настя ощутила болезненный укол в сердце. Она уже знала, что сохранить беременность не удалось.

– Какие твои годы, Дашуня, – ласково сказала она. – Тебе же всего двадцать лет. Успеешь еще нарожать столько детишек, сколько захочешь.

– Мне так хотелось именно этого ребенка, – едва слышно ответила Даша. – Это был такой замечательный день, когда мы с Саней... ну, ты понимаешь.

– Дашенька, милая, вы с Сашей так любите друг друга, что замечательных дней в вашей жизни будет еще множество. Не отчаивайся, пожалуйста. Вы же на годовщину свадьбы собирались в Париж, верно? Представляешь, как будет здорово, если вы привезете ребеночка из Парижа.

– Что ты, – прошелестел Дашин голосок, – годовщина уже через месяц. Не получится. Врач сказал, надо месяца три беречься.

Из ее огромных синих глаз полились слезы, хотя Даша мужественно старалась улыбнуться дрожащими губами. Сердце у Насти разрывалось от жалости к ней.

– Когда тебя отпустят домой?

– Через неделю, если осложнений не будет. Извини. – Даша приподнялась на кровати и вытерла слезы. – Я постараюсь больше не плакать. Сама виновата, чего ж теперь реветь. Не надо было мне этот дурацкий агрегат двигать.

Настя уже знала от мужа, что беда произошла, когда Дашка со свойственным ей хозяйственным пылом пыталась переставить стиральную машину. Действительно, сама виновата. Хотя жалость к ней от этого слабее не становится.

В коридоре она столкнулась с братом, который тащил две огромные сумки с фруктами.

– Ты бы лучше ей книжку интересную принес, – сказала Настя, целуя его в щеку. – Ей отвлечься надо.

– Приносил уже. Она не хочет читать.

– А ты заставь. Ты ей муж или кто? Прояви власть. Оттого, что она целыми днями думает о потерянном ребенке, никому лучше не будет. И вообще забирай ее домой как можно скорее. Она здесь зачахнет. Лежит и плачет с утра до вечера. Не дело это, Саня.

– Сам знаю, – вздохнул Каменский. – Ты торопишься?

– Не особенно. А что?

– Пойдем обратно к Даше. Я у нее сегодня уже два раза был. Сейчас только фрукты отдам, посидим десять минут, и я тебя домой отвезу.

Они вернулись в палату. Даша, не ожидая сегодня больше никаких посетителей, дала себе волю и горько плакала. Видеть это было невыносимо. Настя тихонько вышла в коридор, оставив брата наедине с рыдающей женой. Минут через двадцать появился Саша. Лицо его было расстроенным и угрюмым.

– Ты права, – сказал он, когда они спускались по лестнице вниз. – Дашку надо забирать отсюда. Завтра же с утра пойду к главврачу и потребую, чтобы ее выписали под мою ответственность. Пусть лучше дома лежит, рядом с малышом. Теща за ней будет ухаживать не хуже врача. Материнский уход самый лучший.

Настя не сомневалась, что он так и сделает. Если Дашу откажут выписывать, в ход пойдут деньги. Брат не постоит ни перед какими суммами, когда речь будет идти о его жене и сынишке. Он был молодым удачливым предпринимателем, человеком весьма состоятельным и твердо верил, что деньги могут решить все проблемы.

По дороге к Настиному дому он долго молчал, потом неожиданно спросил:

– У тебя с Лешей все в порядке?

– Конечно. Почему ты спрашиваешь?

– Мне показалось, он какой-то напряженный. Вы не поссорились?

– Санечка, мы никогда не ссоримся, ты же знаешь. Может быть, он был уставшим.

– Ася, не морочь мне голову. А то я не знаю, каким бывает твой муж, когда он устал. Он был явно чем-то расстроен.

– Ерунда, – отмахнулась она, прекрасно понимая, чем именно был расстроен Алексей. Ее эпопеей с Соловьевым. – Лучше скажи-ка мне, в деловых кругах известна дама по фамилии Якимова?

– Яна?

– Ну да, Янина Борисовна.

– Баба-зверь. – Саша впервые за всю дорогу улыбнулся. – Хватка железная. Удачлива невероятно. И так же невероятно богата. Зачем она тебе?

– Так, любопытно. Я тут случайно с ее мужем познакомилась. Но, Саня, мой интерес носит совершенно приватный характер. Я надеюсь, ты это понимаешь. Для ее мужа я работаю не в уголовном розыске, а в фирме.

– Говорят, ее муж сидит дома с детьми. Это правда?

– Правда. Вozит их в детский сад и в школу, забирает оттуда, готовит еду. Ты ее видел когда-нибудь?

– Конечно, и не один раз.

– Какая она?

– У-у-у! – Александр сделал выразительный жест. – Страшное дело. Красотка. Но всего многовато. Рост, объем, голос, шевелюра. Ее бы уменьшить раза в три – цены б ей не было.

– Сплетни какие-нибудь слышал?

– Как тебе сказать... И да, и нет.

– А попроще можно?

– Трудно, – снова улыбнулся брат. – Например, когда вдруг у нее получилась одна сделка, которая, по всем прогнозам, не должна была состояться, стали поговаривать, будто она пользуется незаконными методами силового давления на контрагентов. Но именно поговаривать, потому что никто не мог с уверенностью утверждать, что она нанимает для своих целей громил или там шантажистов каких.

– Может быть, в этой сделке были какие-то личные причины? – предположила Настя. – Что-нибудь интимное.

– Это нет, – категорически ответил Саша. – Про это никто и не заикался. У Яны репутация безупречной жены. Да ты бы и не спрашивала, если б видела ее. Мужик, который вздумает на нее покуситься, должен быть по меньшей мере камикадзе. У него должен быть рост не меньше двух метров, вес – килограммов сто двадцать и миллионов штук десять, в долларах, естественно. И чтобы неженатый. И возраст от сорока пяти до пятидесяти, не старше. И властный характер в совокупности с твердой рукой. Тогда у него будет шанс. А где таких мужиков взять?

– Да ладно тебе, – усомнилась Настя, – не преувеличивай. Муж у нее знаешь какой? Ниже меня ростом, наполовину плешивый, милый и застенчивый. Очень славный дядечка. Весь в детях и хозяйстве. И собственных доходов, судя по всему, не имеет.

– Вот именно, – усмехнулся Каменский. – Зачем ей еще один такой же? Любовников выбирают таких, которые на мужей непохожи.

– Может, ты и прав, – задумчиво согласилась она.

Они подъехали к ее дому.

– Пойдем к нам, – пригласила Настя. – Чего тебе одному дома сидеть? Все равно маленький Санечка у Дашкиных родителей.

– Пойдем, – охотно согласился Саша.

Вряд ли кто мог бы поверить, что сводные брат и сестра знакомы всего полтора года, а до этого только знали о существовании друг друга, но никогда не виделись и даже по телефону не разговаривали. Саша был на восемь лет моложе, у них был общий отец, но разные матери. Их знакомство началось с не очень-то приятных вещей, но быстро переросло в горячую взаимную симпатию, а потом и в искреннюю привязанность. Так же искренне и горячо Настя и Алексей полюбили Дашу, тогда еще просто «девушку» Саши Каменского, потом невесту, потом жену. Саша, как и Настя, был единственным ребенком у своих родителей, и оба они с радостью приняли друг друга – родных по крови и так похожих внешне, и по характеру, несмотря на то, что воспитывались в разных семьях. Оба они похожи на отца,

Павла Ивановича Каменского, высокие, светловолосые, худые, с почти бесцветными бровями и ресницами. И оба чуть холодноваты, немного циничны, сдержанны и безжалостны к самим себе. Зато обладают способностью к всепоглощающему сочувствию и сопереживанию, если видят, как страдают их близкие.

* * *

Настя терпеть не могла опаздывать. Она всегда старалась выходить заранее, оставляя запас времени на всякие непредвиденные осложнения типа остановившегося в тоннеле поезда метро или транспортной пробки, в которой надолго застрянет автобус. С Геней Сваловым она договорилась встретиться на «Комсомольской», но до назначенного времени оставалось еще 25 минут, и она решила побродить по привокзальной площади, посмотреть книги, которые продавались там в изобилии.

Книг издательства «Шерхан» было много, они сразу бросались в глаза ярким и легко узнаваемым оформлением. К своему удивлению, Настя увидела и «Клинок» – книгу, которая, по словам Соловьева, была издана год назад и давно исчезла из продажи. «Володя явно преувеличивает популярность серии», – с усмешкой подумала она. Но роман решила купить, хотя Соловьев и дал ей свой собственный экземпляр. Пусть будет, а Володину книгу она вернет, не дай бог с ней что-нибудь случится, неудобно получится. Заодно Настя приобрела еще три романа из серии «Восточный бестселлер». Соловьев уверял, что все эти детективы написаны ровно и на достаточно высоком уровне, а детективы они с мужем любили и с удовольствием читали.

Продавец-лоточник, заметив ее интерес к книгам одной серии, тут же пустился в обстоятельный разговор.

– Вам повезло, вы «Тайну времени» последнюю взяли. Ее очень хорошо берут, сегодня уже шесть книжек продал.

– А вообще как эта серия расходуется? – поинтересовалась Настя.

– Отлично! Знаете, ее так берут! Ждут новую вещь, спрашивают все время, а постоянные покупатели даже просят оставить.

– А что, эта «Тайна времени» действительно последняя? – недоверчиво уточнила она. – Совсем-совсем последняя?

– На сегодня – да. Завтра еще привезут. Мы же каждого наименования берем по три-четыре штучки на день торговли. Если издание ходовое, тогда, конечно, побольше, до десяти книжек. Если плохо берут – привозим по одной.

– И давно вы этой «Тайной» торгуете?

– Почти месяц.

Настя прошла по площади, посмотрела ассортимент на других лотках. Книги с затейливым красивым вензелем «ВБ» лежали всюду, и все продавцы в один голос уверяли, что серия раскупается на «ура». Что ж, немудрено, что Соловьев стал богатым. Видно, гонорары ему платят более чем приличные. Особенно если он получает не фиксированную сумму, а процент с прибыли от реализации.

Сунув купленные книги в сумку, она подошла к месту встречи с Геней Сваловым. Геннадий опаздывал, после назначенного времени прошло уже пять минут. Настя поморщилась. Она не любила неточности.

Наконец с опозданием на пятнадцать минут появился молодой оперативник. Он и не подумал извиняться и сразу же с деловым видом принялся вытаскивать из кейса бумаги. При этом выражение лица у него было не очень-то приветливое и даже, можно сказать, брюзгливое.

– Здесь выписки из журналов по тридцати пунктам проката. Два дня убил на это.

– А сколько всего пунктов? – невинно спросила Настя.

– Семьдесят четыре.

– Значит, еще три дня убьешь, – спокойно сказала она. – И не смотри на меня так, как будто я заставляю тебя в рабочее время заниматься моими личными проблемами.

– У меня текущей работы навалом, – сердито буркнул Свалов.

– Представь себе, у меня тоже. И маньяк, который свободно гуляет по городу, – это наша с тобой головная боль. Не чья-нибудь, а именно наша с тобой. Давай постараемся все время об этом помнить, ладно?

Забрав бумаги, Настя вернулась на Петровку и занялась неотложными делами. Домой она явилась почти в десять вечера. В кухне на столе ее ждала записка:

Уехал читать лекцию, вернусь поздно. Ужин в духовке, не ленись, пожалуйста, и подожди. Целую.

Да, Алексей хорошо знал свою жену, отрицать это глупо. Настина знаменитая лень порой доходила до парадоксальных проявлений, а уж полениться разогреть еду – дело самое обычное для нее. Если блюдо в принципе можно было съесть холодным, она так и поступала, если же в холодном виде его употреблять нельзя, она в отсутствие строгого Лешиного надзора предпочитала отрезать кусок хлеба и сжевать его с сыром или колбасой, запивая крепким кофе.

Борьба голода с ленью длилась примерно минуту, после чего Настя приняла компромиссное решение: быстро запихнуть в себя традиционный бутерброд и терпеливо ждать возвращения мужа, чтобы поужинать вместе с ним. Отрезав хлеб и кусок салями, она уселась поудобнее, вытянула ноги, положив их на второй стул, и открыла купленный на вокзале бестселлер под названием «Клинок». Книга была написана прекрасным языком, интрига разворачивалась стремительно, и первые же несколько страниц полностью захватили внимание.

Через некоторое время Настя с удивлением заметила, что подушечка пальца, которым она прижимала страницы, почернела. Краска, что ли, пачкается? Она приложила к тексту другой палец и слегка потерла. На белом листе появились грязные разводы. Настя поднесла книгу к самому лицу – так и есть, характерный запах, который бывает у книг, только-только вышедших из типографии.

Она открыла книгу с конца и посмотрела выходные данные. Сдано в набор 26 января 1995 года, подписано в печать 3 марта 1995 года. Больше года прошло, а краска пачкается. И запах. Так не бывает. Наверное, это допечатка, дополнительный тираж. Но почему указаны старые выходные данные? Выходит, это остатки прошлогоднего тиража.

Она полезла в сумку и достала вторую книгу – ту, которую ей дал Соловьев из собственных запасов. Книги были абсолютно одинаковыми, и выходные данные совпадали. Но эта книга свежей краской не пахла, и разводы на странице не оставались. Как же так могло получиться, если обе книги отпечатаны в одно и то же время, год назад?

Тут же мысль ее заработала в математическом направлении. Продавец книжного лотка сказал, что ходовые книги продаются до десять штук в день. Хорошо, пусть пять. Сколько в Москве лотков? Около трехсот. Возьмем двести. По пять книг с двухсот лотков – тысяча в день. Какой тираж указан в выходных данных? 70 000 экземпляров. Это на 70 дней торговли. И только в Москве. Но ведь в других городах «Шерхан» тоже продает свои книги. Вот, на предпоследней странице целый список официальных дилеров этого издательства. Двенадцать фирм в двенадцати областях России. Предположим, половина тиража осталась в Москве, другая половина ушла в другие города. Значит, 35 000. 35 дней торговли. Может быть, по пять книг в день продают только в первую неделю, а потом продажа идет медленнее? Но продавец на вокзале сказал, что «Тайна времени» в продаже уже около месяца, а только сегодня он продал семь книжек. Нет, никак не получается. Не может «Клинок» из популярнейшей серии год лежать на прилавках при тираже 70 000 экземпляров. Он должен

был исчезнуть из продажи еще в мае – июне прошлого года. Ну хорошо, пусть в августе. Но сейчас-то уже апрель... Откуда же взялась эта книга на лотке у Ленинградского вокзала?

В замке клацнул ключ, вернулся Алексей.

– Как твоя лекция? – спросила Настя, ласково потершись щекой о его плечо.

– Нормально. Ты почему не ела, нахалка?

– Тебя ждала. Ты же знаешь, я не могу есть одна, мне скучно. Сейчас вместе поедим.

– Ну да, – хмыкнул Чистяков, – сейчас добрый Леша все разогреет и подаст, и поедим.

Ладно, сиди уж, все равно тебя не переделать. Что читаешь?

– «Восточный бестселлер» из японско-американской жизни.

– А вторая книжка?

– Она точно такая же. Две одинаковые.

– Купила для кого-то?

– Нет. Леш, отвлекись на минутку, пожалуйста.

Алексей уже поставил жаркое разогреваться и ловко резал помидоры на разделочной доске, повернувшись к Насте спиной.

– Говори, я слушаю, – сказал он, не оборачиваясь.

– Мне надо, чтобы ты посмотрел.

– Тогда подожди.

Он быстро закончил делать салат, вытер руки полотенцем и подошел к ней.

– Посмотри, пожалуйста, на эти две книги, – попросила Настя, – и скажи, что ты о них думаешь.

– Кроме того, что они совершенно одинаковые?

– Да.

Алексей открыл обе книги и стал внимательно изучать титульный лист, на котором, по мнению Насти, не было ничего интересного. Наверху – черными буквами имя автора, Акира Накахара. В середине страницы название «Клинок». Внизу логотип издательства «Шерхан» – морда рычащего тигра.

– Но они же разные, – наконец сказал он, подняв на жену удивленные глаза.

– С чего ты взял?

– Они изготовлены разным способом. Вот эта, – он взял в руки экземпляр Соловьева, – отпечатана фотомеханическим способом, а другая фотоэлектрографическим. Это же видно невооруженным глазом.

– Мне не видно. По каким признакам ты определил?

– Прокраска букв разная. При фотомеханическом способе краска лежит ровно, а вот здесь, на второй книжке, видно, что в нижней части больших букв краска заметно бледнее, чем в верхней части. Посмотри сама.

Теперь и Настя это увидела. Точнее, это было видно и раньше, но человек, не разбирающийся в полиграфии, просто никогда не обратил бы на это внимания.

– И что это означает? – медленно спросила она, уже понимая, что нащупала что-то важное.

– Это означает, что книги не могут быть из одного тиража. Ты, кстати, почему меня вообще об этом спросила? У тебя какие-то подозрения?

– Краска пачкается, – объяснила она, показывая Леше почерневшую подушечку пальца. – Она совсем свежая. А в выходных данных написано, что тираж отпечатан год назад. Ой, Лешик, у нас что-то горит!

– Тьфу ты! – Он метнулся к плите и выключил огонь под сковородой. – Жаркое пригорело. Все из-за твоих полиграфических изысканий.

– Ну прости, – жалобно сказала Настя. – Я не нарочно.

Некоторое время они ели молча, потом Настя не выдержала:

– Леш, а что такое фотомеханический способ?

– Да ну тебя, – отмахнулся Алексей. – Это долго и сложно рассказывать.

– А ты коротко и попроще, как для тупых. Только в самых общих чертах. Я хочу понять, чем один способ отличается от другого.

– Для тебя это принципиально важно?

– Не принципиально, но важно. Ни для какого преступления, которыми я занимаюсь, это значения не имеет. Но ты же знаешь, я не люблю, когда чего-то не понимаю.

– Сначала рукопись набирается на компьютере и делается оригинал-макет. Потом с оригинал-макета делают пленки. Слайды. Это понятно?

– Пока да.

– Эта часть для обоих способов общая. Дальше начинаются различия. При фотомеханике на основе слайдов делают матрицы. Набор матриц на резиновой основе. Их хватает примерно на пятьдесят тысяч оттисков. Если тираж больше пятидесяти тысяч, то делают второй комплект. При электрографии оттиски печатают на фотокопировальной технике. Типа ризографа, если ты вообще знаешь, что это такое.

– Не знаю, но это не суть важно. Главное отличие я ухватила. Леш, а зачем же тогда делать тираж, не кратный пятидесяти тысячам?

– В каком смысле – зачем? Подай кетчуп, будь добра.

– Держи. Я хочу понять, почему делают тираж больше пятидесяти тысяч экземпляров, но меньше ста. Если все равно нужно делать второй комплект матриц, то имеет смысл и использовать его полностью. Разве нет?

– Может, это нерентабельно, – пожал плечами Алексей. – Сто тысяч могут и не разойтись, деньги на бумагу и обложку потрачены, а книги будут лежать на складе мертвым грузом. Пятьдесят – мало, спрос явно больше, а сто – много. Вот и все.

– Тогда я другого не понимаю. Зачем печатать книгу на копировальной технике, если есть матрицы, которые можно использовать еще для тридцати тысяч экземпляров. После тиражирования в типографии матрицы уничтожают?

– Как договорятся. Могут уничтожить, а могут и оставить. Что тебе дались эти тиражи?

– Любопытно. Леш, по-моему, мы здесь имеем уклонение от уплаты налогов в чистом виде. Издательство не такое тупое, как твоя жена. Они наверняка используют матрицы на полную катушку и делают стотысячный тираж. В выходных данных указывают семьдесят тысяч, представляют в налоговую инспекцию документы на их реализацию и с этой прибыли платят налоги. Остальные тридцать тысяч они тоже продают, но налоги уже не платят. Спустя какое-то время берут свои пленки и запускают тираж на электрографии. Выходные данные остаются те же, и все кругом считают, что это все еще продаются остатки того, старого тиража, который был реализован издательством в прошлом году и за который все налоги давно уплачены. Главное, чтобы книга пользовалась большим спросом. Лихо, да?

– Лихо, – согласился муж. – Только я не понимаю, каким боком это тебя касается. Ты собираешься сменить работу и уйти в налоговую полицию? Или юристом в издательство?

– Да нет, солнышко, никуда я не собираюсь. Просто решаю очередную задачку для умственной гимнастики.

– Неужели? – вскинул брови Алексей. – А я уж подумал было, что ты собираешься защищать своего друга Соловьева, которого обидели плохие жадные дядьки-издатели.

Краска бросилась ей в лицо. Он не прав, она совершенно не думала при этом о Соловьеве. Более того, судя по уровню его благосостояния, издатели его не обижали. Но Лешка все равно заметил, что-то заподозрил и насторожился. Даже обиделся, кажется. Какая же она неуклюжая! Черт ее дернул за язык обсуждать с ним эти книги!

– Ты не прав, милый, – сказала она ровным голосом. – Соловьев не имеет к этому никакого отношения. Просто случайно совпало, что речь в данном случае идет о его книгах.

– Хорошо, – легко согласился он. – Не имеет так не имеет. Какие у нас планы на субботу? Опять на работу пойдешь?

– Нет, завтра я дома. Мне надо на компьютере поработать.

– А когда к Соловьеву следующий визит?

– Леша!

– Что ты, Асенька, я спокоен, как ископаемый мамонт. Просто надо определиться с машиной. Когда она тебе понадобится?

– Если ты не возражаешь, я хотела бы поехать в воскресенье днем. Но если тебе машина нужна, я могу поехать завтра или в понедельник.

– Поезжай, как планировала, – кивнул Алексей. – Я в воскресенье буду дома.

– Спасибо.

За столом возникло напряжение, и Настя судорожно пыталась придумать, как его снять. Но ничего оригинального в голову не приходило.

– Леша, я не могу видеть, как ты терзаешься, – произнесла она решительно. – Я уже говорила тебе, что речь идет о попытке раскрыть тяжкое преступление. Погибли девять юношей, которые перед этим исчезли из дома. Где-то в Москве или области живет монстр, который держит их взаперти, пичкает наркотиками, спит с ними, пока они не умрут от передозировки. Он сумасшедший, он маньяк. Каждый день я с ужасом жду, что придут еще одни родители и заявят об исчезновении еще одного паренька. У меня есть одна-единственная зацепка, и она связана с тем местом, где живет Соловьев. Я не могу не ездить туда, пойми. Это моя обязанность. Это мой долг перед несчастными родителями, которые месяцами ищут сына, а находят его мертвое тело. Но твои переживания для меня не менее важны. Ты мой муж, я люблю тебя, и для твоего душевного спокойствия я готова сделать очень многое. Я не хочу, чтобы ты изводил себя беспричинной ревностью. Но если ты не можешь остановиться, тогда придется остановиться мне.

– Что ты хочешь сказать?

– Я перестану ездить к Соловьеву.

– А как же мальчики? И их родители?

– А никак. Пусть маньяк ищет кто-нибудь другой, у кого муж не такой ревнивый.

Алексей улыбнулся смущенно, но с видимым облегчением. Ему, похоже, самому стало неловко.

– Прости, Асенька. Не думал, что тебя это так нервирует. Все, больше не буду.

– И я могу ездить к Соловьеву?

– На здоровье, сколько угодно.

– И ты не будешь по этому поводу психовать?

– Буду. – Он рассмеялся. – Исключительно из упрямства. Тебе назло. Чтобы ты поняла наконец, каково мне приходится, когда ты из-за чего-то переживаешь, а я не знаю, из-за чего и чем тебе помочь.

– Вредный, да?

Настя уже поняла, что конфликт исчерпан. Он длился целую неделю, с прошлой пятницы, когда она впервые поехала к Соловьеву поздравлять его с днем рождения. Целую неделю в квартире висели напряжение, напряжение и прохладное отчуждение, хотя оба они вели себя как обычно – спокойно, миролюбиво и дружелюбно. Такие скрытые конфликты очень опасны, они оставляют в душе незаживающие раны, несмотря на то, что нет криков, скандалов и прочих ярких и громких проявлений. Она вспомнила фразу из только что прочитанного отрывка из «Клинка»: «Человек с грустными глазами – это человек, который в детстве никогда не плакал, когда его ругали и били». Фраза показалась ей смутно знакомой, но сейчас Настя не была настроена копаться в воспоминаниях.

Глава 5

Эра видеотехники принесла с собой множество изменений. Первым и наиболее заметным стало постепенное перепрофилирование кинотеатров с показа кинофильмов на торговлю мебелью, автомобилями, техникой и даже свадебными платьями. В просторных и когда-то нарядных холлах теперь стояли игровые автоматы, светились вывески «Обмен валюты» и уже ничто не напоминало о том, что здесь когда-то царствовало кино – между прочим, среди приличных людей считавшееся искусством. Впрочем, вытеснение искусства торговлей и примитивными забавами уже давно стало привычным.

Вторым последствием, заметить которое мог не каждый, было постепенное «перетекание» подростков с улицы в квартиры. Разумеется, если бы можно было включить видак прямо в парке на скамеечке, юная поросль поступала бы именно так, ибо на свободе, в компании, с сигареткой в зубах и стаканом фальсифицированного виноподобного дерьма, но главное – без родительского надзора смотреть кино куда как приятнее. Однако, поскольку мировой технический прогресс почему-то за потребностями малолеток никак не успевал, кино приходилось смотреть все-таки в домашних условиях. Родители довольны – чадо не шляется по подворотням, а чадо, в свою очередь, радуется, что можно развлекаться и получать удовольствие, а не читать нудные толстые книжки про какую-то войну и мир. Инспектора подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних слегка перевели дух. Учителя безнадежно махнули рукой, отчаявшись дожидаться, когда ученики все-таки соизволят прочесть положенную по программе литературу. С каждым годом дети читали все меньше и меньше, а грамматических ошибок в письменных работах становилось все больше и больше.

Купить видеокассеты можно было теперь на каждом углу. И почти в каждом из этих мест кассету можно было взять напрокат. Прокат же существовал в двух формах – безымянно-доверительной, то есть несерьезной и дорогой, и журнально-учетной, то есть серьезной и дешевой. В первом случае человек приходил в пункт продажи-проката, брал кассету, оставлял залоговую сумму, равную продажной цене кассеты, а когда возвращал пленку – получал обратно свои деньги за вычетом стоимости пользования, то есть проката. При этом можно было в коробку с яркой наклейкой сунуть все, что угодно, оставив, например, в личное пользование какой-нибудь новый хит и вернув в палатку что-нибудь очень старое и совершенно некассовое. Вариантом этого некрасивого поступка был возврат прокатчику не той кассеты, которая была получена, а копии, сделанной на очень плохой аппаратуре и потому некачественной, с полосами, искажениями звука и прочими прелестями. В момент приема кассеты проверка не производилась. Но и цена проката в этих палатках была высокой: продавец-прокатчик понимал всю степень риска, ибо, обнаружив подлог, не смог бы разыскать наглого мошенника-клиента, посему взвинчивал цену за пользование кассетами, чтобы в случае таких вот неприятностей иметь финансовый резерв для приобретения новой копии взамен украденной.

При журнально-учетной форме взаимоотношений прокатчиков с клиентами фамилию все-таки спрашивали и даже просили показать документы на предмет уточнения адреса. Зато и брали за прокат мало, сущие гроши. Но так было только на бумаге. На деле же все выглядело несколько иначе. Документы спрашивали далеко не всегда, хотя фамилии, конечно, записывали. При этом за прокат брали немножко побольше, чем полагалось брать при предъявлении паспорта, но, конечно, не так много, как «безымянщики». Где-то посерединке выходило. Вот таких пунктов проката, где велись журналы, и было в столице семьдесят четыре. И по тридцати из них, в которых успел побывать Геннадий Свалов, Насте предстояло поработать в эту субботу.

День для домашней кропотливой работы выдался самым что ни на есть подходящим. Вчера еще ярко светило солнце, ставя под сомнение способность некоторых не очень волевых граждан противостоять соблазну неспешной прогулки. Зато в субботу с самого утра погода ну совершенно никуда не манила. Под низкими плотными облаками было сумрачно, серо и сыро, накрапывал мелкий дождь, и никаких приятных ассоциаций мысль о прогулке не вызывала.

Настя, конечно, не удержалась, дала себе поблажку и проспала до половины одиннадцатого. Она вообще любила поспать подольше, особенно в такую пасмурную, дождливую погоду, как сегодня. Алексей встал намного раньше, и, когда она с трудом продрала глаза, оказалось, что муж давным-давно позавтракал и уселся на кухне готовиться к очередной лекции, которую предстояло читать сегодня вечером в каком-то коммерческом учебном заведении, где готовили экономистов и посему включали в программу в обязательном порядке курс высшей математики.

Тяжело приволакивая ноги и чувствуя разбитость во всем теле, Настя влезла под душ и начала просыпаться. Для того чтобы заставить голову работать, она попыталась припомнить названия всех четырнадцати фильмов, которые украл странный вор. И не только названия, но и жанр. На третьем названии она слегка повернула ручку крана, сделав воду чуть прохладнее. На седьмом процесс застопорился, название фильма было сложным и длинным. Настя от злости резко повернула ручку с синим кружочком, и под струями вмиг похолодевшей воды трудное название всплыло в памяти само собой. Тело ее покрылось гусиной кожей, но она мужественно терзала свой полупроснувшийся мозг, пока не перечислила все четырнадцать названий.

Зато после экзекуции она появилась на кухне веселая, с порозовевшим лицом и блестящими глазами. Алексей сдвинул свои бумаги в сторону, освободив жене место для завтрака.

– Лешик, давай я сегодня приготовлю на обед что-нибудь экзотическое по твоему желанию, – предложила Настя.

После вчерашнего объяснения с мужем она еще острее почувствовала свою вину за то, что заставила его переживать и мучиться, и эту вину ей хотелось загладить ну хоть чем-нибудь.

Алексей поднял голову и с интересом посмотрел на нее.

– Например?

– Ну, я не знаю. По твоему выбору. Чего тебе хочется?

– Осетрину. Желательно гриль. Справишься?

– Попробую, – храбро сказала она.

Настя совершенно не была уверена в своих способностях приготовить осетрину в гриле, но в конце концов главное – начать, а там посмотрим, заглянем в кулинарную книгу или у Лешки спросить можно. Она не спеша выпила две чашки крепкого кофе, сжевала бутерброд с сыром и стала одеваться, чтобы идти в магазин. Леша то и дело поглядывал на нее с нескрываемой усмешкой, но, впрочем, вполне добродушно. Когда жена раз в три месяца собирается идти в субботу в магазин одна, без мужа, это может оказаться даже забавным. Обычно в выходные дни они ходили за покупками или вместе, или, если Настя работала, этим занимался один Алексей.

Натянув куртку и кроссовки, она заглянула на кухню.

– Леш, а чего покупать?

– Ну здравствуйте. – Он картинно развел руками. – А из чего ты собираешься делать осетрину? Из говядины?

– Ну Леш, – жалобно промычала она. – Я же не знаю, какую осетрину покупать. Мороженую, свежую, в коробочках, развесную или еще какую.

Алексей горестно вздохнул и подробно объяснил, где поблизости можно купить такую осетрину, которая им нужна, сколько покупать и как ее выбирать.

– И не забудь помидоры, огурцы, зелень, картошку и банку шампиньонов. И если увидишь маринованную свеклу-«соломку», тоже купи.

– А зачем? – глупо спросила Настя.

– Для гарнира. Если уж мы тратим такие деньги на осетрину, то и подавать ее следует так, чтобы было не стыдно. Делай, что тебе старшие говорят, не умничай.

– Подумаешь! – фыркнула она, запихивая в сумку пластиковые пакеты с ручками. – Всего-то на восемь месяцев старше, а разговоров...

– Машину возьми, взрослая ты моя, – насмешливо сказал Чистяков. – Овощей нужно много купить, чтобы на всю неделю хватило.

– Не надо, – отмахнулась Настя.

– Нет, надо. Опять будешь за спину хвататься. Не спорь, пожалуйста.

– Да ну ее, Лешик, не люблю я на машине на рынок ездить. Барство какое-то. И потом, там нужно место искать для парковки, толпа, людей полно. Нет, не хочу.

Алексей швырнул ручку на стол и поднял глаза к потолку.

– Господи, почему ты подсунил мне в жены не ту умницу, которую я сам выбирал и ждал долгие годы, а какую-то безмозглую тупицу? Мне сейчас придется бросить свою лекцию, одеваться и идти вместе с ней за продуктами, потому что этой дурочке нельзя таскать ничего тяжелее трех килограммов, иначе у нее разболится спина. Она, видите ли, машину брать не хочет, блажь у нее такая в субботу с утра сделалась. И из-за этой блажи ее несчастный муж должен либо идти вместе с ней, чтобы нести сумку, либо готовиться к тому, что в ближайшие несколько дней она будет ныть, охать, стонать и хвататься за спину, вызывая к себе жалость и сострадание. Так какой вариант мне предпочесть, господи?

Настя понимала, что он шутит, но по его голосу чувствовала, что муж начинает сердиться. Она действительно не любила водить машину, очень уставала от вождения, но сейчас, похоже, сопротивляться не нужно, иначе Лешка пойдет с ней, бросив свою лекцию. Нехорошо получится.

Рынок был не очень далеко, и много времени поход за продуктами не занял. Уже через час Настя выгрузила на кухне все покупки, придирчиво осмотренные Алексеем. К ее большому удивлению, оказалось, что она правильно выбрала осетрину и вообще купила все, что нужно, ничего не забыв и не напутав.

– Ладно, иди работай, – великодушно сказал Чистяков. – Сам все приготовлю. А то ты непременно загубишь дорогой продукт.

Она радостно чмокнула мужа в щеку и умчалась в комнату. Неприятная, но обязательная часть была выполнена, теперь начиналось приятное, интересное и доставляющее удовольствие – работа.

Настя включила компьютер и для начала начертила большую таблицу, в которой было четырнадцать колонок – по числу украденных фильмов. Вписав наверху каждой колонки название фильма, Настя принялась расчерчивать строки. Десять административных округов. Сбоку проставить название округа. Теперь берем каждый конкретный пункт проката видеокассет, смотрим по адресу, в каком округе он находится, и вносим все данные в соответствующий раздел. Пока таких пунктов тридцать, но ко вторнику, как она надеется, появятся списки еще по сорока четырем.

Настя, выполняя какую-то работу, не любила думать о том, что, возможно, делает ее впустую. Она твердо верила в то, что напрасной работы не бывает. Даже если нет желаемого результата, обязательно получается какой-то другой результат, которого и не ждал вовсе. Вор-кинолюбитель мог брать кассеты там, где за прокат берут дороже, но не спрашивают фамилию. Мог. Вполне. И тогда Настина попытка вычислить его среди великого множества

тех, кто берет кассеты в дешевых прокатных пунктах, заранее обречена на неудачу. Но она все время помнила о том, что вор украл кассеты, хотя проще было бы их купить. И если это связано с его материальным положением, то кассеты он скорее всего брал там, где дешевле. Конечно, кража могла быть связана и не с нехваткой денег, а с особенностями психики преступника. Но в любом случае работать с фамилиями было необходимо. Если ничего не выйдет, стало быть, вор брал кассеты там, где дороже, или вообще не пользовался услугами проката, получая кассеты на время из какого-то другого источника. Это уже будут другие рабочие версии, и их тоже придется отрабатывать. Напрасной работы не бывает, а отрицательный результат – тоже результат, как любила повторять сама Настя Каменская.

* * *

Было уже достаточно тепло, и Кирилл Есипов, генеральный директор издательства «Шерхан», решил открыть дачный сезон. На свою дачу в ближнем Подмоскowie по Ярославской дороге он уехал в пятницу вечером, ожидая в субботу к обеду двоих друзей-соратников – Гришу Автаева и Семена Воронца. Есипов был не женат, но дама сердца у него была все та же, что и два года назад. Высокая, на голову выше его, длинноногая манекенщица Оксана, на которую давно уже облизывался здоровенный двухметровый телохранитель Есипова Вовчик.

В доме было жарко натоплено, и Оксана расхаживала в одних шортах и коротенькой маечке на бретельках, оставляющей открытой довольно широкую полосу гладкой кожи на упругом животе.

– Во сколько твои придут? – спросила она, подходя к Кириллу и усаживаясь к нему на колени.

– В три. А что? У тебя какие-то планы?

– Планов никаких, просто хочу успеть одеться до их появления.

– Откуда такая скромность? – усмехнулся Есипов.

– От верблюда, – грубо и обиженно ответила девушка. – Мне не нравится, когда твой дебильный Воронеж меня взглядом раздевает.

– А он раздевает? – по-прежнему лениво поинтересовался Кирилл.

– А ты сам не замечал? Или, может, ты думаешь, что раз вы трое такие богатые и друзья – не разлей водой, так и я у вас должна быть общей? Сначала тебе, конечно, как командиру, капитану команды, а потом и им, что останется. Так, что ли?

– Ксюша, Ксюша. – Он ласковым и успокаивающим жестом погладил ее по спине и плечам. – Ну что ты, детка. Ты у меня красавица, и ничего удивительного, что мужики слюни пускают. Это совершенно естественно, и ты не должна обижаться на них. Точно так же ты не должна обижаться и на меня за то, что я не кидаюсь бить морду каждому, кто взглянет на тебя. Я же не могу измордовать пол-России, правда?

– Все равно ты должен сказать своему Воронцу, чтобы не пялился на меня, – упрямилась Оксана, крепче прижимаясь к Есипову. – Он противный, и мне неприятно.

– Ну Ксюшенька, это глупо. И потом, это непрофессионально. Ты манекенщица и должна привыкнуть к тому, что на тебя будут смотреть все подряд, а не только те, кто лично тебе приятен.

– Ладно. – Она шутливо вздохнула и поцеловала его в макушку. – Буду терпеть твоего Семена во имя величия своей профессии.

Оксана была вовсе не глупа, хотя и любила посюсюкать и поприкидываться маленькой дурочкой. За этим широким безмятежным лбом без единой морщинки таился прагматичный ум девицы, которая хорошо знает, что почем, что ради чего и чем расплачиваться за ту или иную услугу. Она была достаточно деликатна и воспитанна, чтобы Есипов мог

водить ее с собой на светские мероприятия, и в то же время хорошо чувствовала социальную дистанцию. Ведь к телохранителю Вовчику она могла бы предъявить те же претензии, что и к Семену, но на Вовчика она не пожаловалась Есипову ни разу. Вовчик – обслуга, нижний слой, скажи она хоть слово – и его выпрут без сожалений и выходного пособия. А за что, в сущности, парню страдать? За то, что у него нормальная, здоровая мужская реакция, не делающая различия между просто девкой и девкой хозяина? Семен Воронец – другое дело. Ему ничто не угрожает, с ним Кирилл не расстанется ни при каких условиях, они давние друзья и деловые партнеры, поэтому на него и пожаловаться можно. Вреда для Семена никакого, а душу Оксана как-никак отвела, не вечно же ей все в себе носить. И потом, на Вовчика грех жаловаться, он добрый мальчик, а главное – понимает, что у него против хозяина шансов нет. А Семен Воронец считает себя неотразимым и почему-то не видит ничего постыдного в том, чтобы трахнуть девушку своего друга и партнера по бизнесу. Хотя что в нем неотразимого?

К тому времени, когда приехали Автаев и Воронец, Оксана была уже в джинсах и плотной трикотажной майке с длинными рукавами. Побыв с гостями положенные по протоколу десять минут, она вежливо извинилась и, мило улыбнувшись, вышла из комнаты.

Телохранитель Вовчик сидел на просторной кухне и старательно разгадывал кроссворд. Услышав шаги, он поднял голову и приветливо улыбнулся.

– Не говорили, во сколько обедать будут? – спросил он, окидывая девушку плотоядным взглядом.

– Минут через двадцать примерно. Сейчас пока выпивают по чуть-чуть. Нахватались европейских привычек, а обедать вечером так и не приучились, – усмехнулась Оксана. – Тебе помочь с обедом?

– Не надо, у меня все готово. Посиди со мной, давай кроссворд поразгадываем вместе. Садись ко мне на колени, лучше видно будет.

– Что это я, по-твоему, должна лучше видеть? Буквы или твою страстную любовь? – насмешливо поддела она. – Я же тебе сто раз говорила, Вовочка, не тяни ко мне ручонки.

– А я и не тяну.

Он протянул руки вперед и игриво помахал ими.

– Я же тебя на колени приглашаю. А ручки – вот они.

Оба расхохотались над незамысловатой и пошлой шуткой. У Оксаны и в мыслях никогда не было пойти навстречу желанию телохранителя. Даже когда она ссорилась с Кириллом, даже когда чувствовала себя несправедливо и горько обиженной, она не думала о том, чтобы из мести или из вредности изменить Есипову с его охранником Вовчиком. Ее красивое стройное тело было профессиональным орудием, средством труда, оно существовало для того, чтобы носить экстравагантную одежду, делая ее еще более привлекательной, еще более яркой и вызывающей. Она стала моделью, когда еще училась в школе, и привыкла к тому, что красота тела должна использоваться для работы, а не для сведения счетов или еще каких-нибудь неблагоприятных целей.

Оксана налила себе чай в большую красивую чашку с золотыми тюльпанами, придвинула поближе пачку с крекером. Вовчик не удивился, он знал, что Оксана строго следит за диетой и никогда, кроме особо ответственных случаев, не садится за стол вместе с гостями хозяина. У нее был хороший аппетит молодой здоровой женщины, соблюдение диеты требовало значительного напряжения и мощных волевых усилий, поэтому Оксана старалась лишний раз себя не дразнить видом таких вкусных, таких доступных и таких опасных для талии блюд. Вовчик это понимал и относился сочувственно, как к тяжелой болезни, над которой неприлично подшучивать. Он сам очень любил покушать всласть и искренне жалел девушку, которая вынуждена лишать себя радостей жизни.

– Отвернись, – сказал он через некоторое время, – я носить начинаю.

– Ты – человек, – с благодарностью откликнулась Оксана, пересаживаясь на стул, стоящий у окна, и поворачиваясь спиной к роскошному двухкамерному холодильнику, из которого Вовчик будет доставать такую вкусную, но не разрешенную ей еду.

В кухне, как и во всем доме, было жарко, и после горячего чая Оксане захотелось прохлады. Она открыла щеколду на оконной раме и распахнула обе створки. Встав на стуле на колени, она оперлась руками о подоконник и высунула голову на улицу. Мелкие капли моросящего дождя приятно освежали горячие щеки. Кирилл с гостями был на веранде, видно, с отоплением они со вчерашнего вечера перестарались, и теперь все искали, где попрохладнее. Но ведь вчера было хоть и солнечно, а температура ночью до минус пяти падала, и ветер был северный. Кто ж знал, что всего за несколько часов погода переменится, ночью будет плюс четыре, а днем – вообще почти пятнадцать градусов?

Голоса доносились до нее отчетливо, словно она вместе со всеми сидела на веранде.

– До этого пока еще никто не додумался, – слышала Оксана голос Кирилла Есипова. – Все хотят сорвать прибыль побольше, поэтому жалеют деньги на изучение читательского спроса. Гриша, ты сейчас опять начнешь упираться, я знаю. Пойми же наконец, что нужно уметь сознательно пойти на затраты, чтобы через какое-то время увеличить прибыль.

– И сколько, по твоим прикидкам, это будет стоить? – донесся со стороны веранды недовольный голос Григория Автаева, коммерческого директора «Шерхана».

– Давай посчитаем. Работу надо провести в Москве и в крупных городах, где есть наши дилеры и где есть крупные вузы. Студенты и старшие школьники с удовольствием займутся этим анкетированием, все хотят подработать. Если платить по тысяче рублей за заполненную анкету, это будет для них хорошим стимулом. Встанут рядом с книжным лотком и будут опрашивать покупателей. Я думаю, человек по пятьдесят они за один день опросят. Если нужно, два-три дня поработают.

– И сколько анкет ты хочешь получить? – снова раздался голос Автаева.

– Я думаю, тысяч пять будет достаточно, чтобы составить представление, во-первых, об общей картине спроса на литературу и, во-вторых, о наших читателях, о тех, кто покупает наши книги.

– Пять миллионов! – ахнул Автаев. – Это же тысяча долларов. Тысячу долларов выбросить на какое-то никому не нужное анкетирование! Ни за что.

– Что ты, Гриша, – усмехнулся Есипов, – это будет гораздо больше. Во-первых, анкету нужно разработать и составить грамотно. Для этого нужны специальные знания. Если анкету составить неправильно, то и толку от нее будет как от козла молока. Дальше. Нужно заплатить тем, кто будет искать этих нищих студентов, объяснять им, как и что нужно делать, и, что самое главное, контролировать их. Вы же знаете, что такое нынешний студент. Сядет дома, заполнит из головы пятьдесят анкет за десять минут и ляжет спать, а вечером принесет нам анкеты и будет требовать свои пятьдесят тысяч рублей. Нет, дорогие мои, студент должен стоять возле лотка рядом с продавцом и добросовестно работать с покупателями, а контролер должен ходить от лотка к лотку и надзирать, чтобы все было как надо. И это тоже стоит денег. Далее. Анкеты надо обработать, то есть ввести ответы в компьютер. Ты, Семен, умеешь работать с программным пакетом по обработке анкет?

– Чего? – тупо переспросил Воронец.

Оксана улыбнулась. Ей отчего-то стало весело. Она хорошо понимала каждое слово Кирилла, эта идея родилась у нее на глазах, и Кирилл много раз обсуждал ее с Оксаной. А тупой Воронец ничего не понимает. Он, наверное, даже не знает, как компьютер включается.

– Ничего, – грубо ответил Есипов. – А ты, Гриша?

– Сколько? – раздался в ответ убитый голос коммерческого директора, уже понявшего, к чему клонит генеральный.

– Тоже не меньше тысячи долларов. Это интеллектуальный труд, и стоит он дорого.

– Тысяча? – в ужасе воскликнул Автаев. – За что?

– За введение анкет в компьютер, составление программы обчета, таблицы с результатами и итоговую аналитическую справку. За все вместе – тысячу. За меньшую сумму никто и браться не станет.

– А если поискать? – с надеждой спросил Григорий. – Может, найдем подешевле?

– Я уже интересовался. Программы по обработке анкет есть в основном только у тех, кто с этими анкетами связан. Пакет большой, занимает в компьютере много места, и те, кто не работает со статистикой, его вообще не ставят. А те, кто работает с анкетами, прекрасно знают ценность результатов любого анкетирования, их на кривой козе не объедешь. Они лучше нас с вами понимают, что речь идет в конечном счете о больших прибылях, и за маленькие деньги работать ни за что не возьмутся.

По звону приборов и бокалов Оксана поняла, что они приступили к еде. Она снова уселась на стул, опершись локтем о широкий подоконник и подперев голову рукой. Лицо было мокрым, но она не стала вытирать его полотенцем – пусть, влага полезна для кожи. Когда на кухню вернулся Вовчик, она попросила:

– Вовунчик, набросай мне в тарелку диетпродуктов, будь добр. Только без хлеба и без майонеза.

Через несколько минут телохранитель поставил перед ней большую глубокую тарелку с листьями зеленого салата, кусочками ананаса и неразмоченными хлопьями «Геркулеса». Он не понимал, как можно это есть, и сочувствовал юной манекенщице всей душой.

Оксана, однако, его чувств не разделяла. Она знала, что в этом странном салате куча витаминов, необходимых для кожи и волос, и почти совсем нет калорий. Поэтому ела без отвращения, ощущая даже какой-то эмоциональный подъем. Она, впрочем, знала, что подъем вызван случайно подслушанным разговором. Насколько ее Кирилл умнее и дальновиднее своих партнеров! Она всегда это чувствовала. С самого начала, с самого первого дня, когда познакомилась одновременно со всеми троими. Ей тогда сказали: «Бери любого, на выбор. Кто понравится. Мне важно, чтобы ты постоянно была с одним из них, а с кем именно – решай сама. Они все трое – одно целое, между ними секретов нет».

Она долго присматривалась к трем руководителям издательства «Шерхан». Первым, конечно, ей на глаза попался Семен Воронец – рослый и плечистый. У Оксаны рост – метр восемьдесят четыре, для манекенщицы как раз то, что надо, и Воронец был ей под стать. Но, поговорив с ним несколько минут, девушка поняла, что он непроходимо туп. Гриша Автаев был очень даже ничего в смысле внешности, но Оксана к тому времени уже неплохо знала, каково быть любовницей человека, берегущего репутацию верного мужа и заботливого отца. Постоянный страх огласки и разоблачения, бросаемые украдкой, а то и открыто взгляды на часы, бесконечные рассказы о болезнях младшего ребенка и школьных успехах старшего. Одно сплошное унижение и никакого удовольствия.

И только под конец она остановила свое внимание на Есипове. Самый низкорослый из всех троих и самый молодой. Самый в определенном смысле не подходящий для нее ни по росту, ни по возрасту. Оксана всегда нравились мужчины выше ее ростом и старше как минимум лет на десять, а если больше – так еще и лучше. Кирилл был ниже на полголовы и старше всего на три года. Но Оксана выбрала его. И не пожалела.

Сначала она не очень хорошо представляла себе, зачем ее подставили Есипову. Схему она видела только в общих чертах. Тот человек, который ее нанял, знает, как сделать издательское дело по-настоящему доходным, у него в голове все время появляются всякие идеи. Ее задача – вникать в суть этих идей и аккуратненько, как бы между прочим подбрасывать их Есипову, стараясь, чтобы он считал эти идеи своими собственными.

– Я хочу, чтобы издательство «Шерхан» стало самым богатым и самым престижным издательством в Москве, а возможно, и во всей России, – сказал тогда Оксане ее наниматель.

– А зачем вам это? – удивилась девушка. – У вас-то какой интерес? Если вы знаете, как сделать издательское дело доходным, так и занимайтесь им сами. Зачем же прибыль в чужие руки отдавать?

– А кто тебе сказал, что я собираюсь ее отдавать? – усмехнулся наниматель. – Я как раз собираюсь ее изъять в свою пользу. Но прежде чем изымать, я хочу, чтобы она стала большой и красивой. Поняла?

– Поняла, – ответила Оксана.

– И ты должна очень стараться, девочка, чтобы прибыль в «Шерхане» была действительно большой и красивой. Потому что, когда я приду ее забирать, тебе достанется определенный процент. Сколько ты хочешь?

– Двадцать процентов, – сказала девушка, подумав и пораскинув мозгами. – Я думаю, это будет справедливо. Идеи ваши, тут я не спорю, мне самой никогда ничего такого не придумать. Но ведь исполнение мое. И спать мне с ним придется. Не могу сказать, что я умираю от желания и страсти, он для меня мелковат.

– Ты хорошая девочка, – произнес наниматель с удовлетворенной улыбкой, и Оксана видела, что он действительно доволен, только не могла понять, чем именно. – Ты умная и не жадная. Ты попросила как раз тот процент, который я и сам собирался тебе предложить. Это значит, что мы с тобой мыслим одинаково. Стало быть, наше с тобой сотрудничество будет плодотворным.

Прошло два года, и Оксана своими глазами убеждалась в правоте нанимателя. Он объяснял ей, как нужно строить издательское дело, она непринужденно и как бы невзначай «дарила» идеи Есипову, а потом при очередном неформальном совещании трех руководителей Оксана слышала, что прибыль увеличилась, что за месяц с этого тиража они наварили столько-то, а с того тиража – еще сколько-то.

И вот только что она услышала, как Кирилл четко и деловито излагал партнерам идею социологического обследования контингента читателей, чтобы получить представление, кто в основном покупает книги «Шерхана», какие слои населения интересуются «Восточным бестселлером», какие слои остались не охвачены и почему. Устраивает ли читателей книга в твердом переплете, или они хотели бы видеть на прилавках маленькие книжки карманного формата в мягкой обложке, которые и стоят дешевле, и в карман или дамскую сумочку легко умещаются. Обследование должно было дать ответы на множество вопросов, а первое зерно поручено было заронить в голову Есипова ей, Оксане.

Начала она на прошлой неделе с невинного замечания:

– Представляешь, сегодня видела, как какая-то тетка «Тайну времени» не купила. Повертела ее в руках, покрутила, поохала, а потом положила на место.

– Дорого, что ли? – удивился Кирилл.

– Да нет, в сумку не влезает. Дамочка такая приличная, при золоте, одета дорого. И сумочка у нее маленькая. Я так удивилась, что она «Тайну времени» собралась покупать.

– Удивилась? Почему?

– Ну... – Оксана помолчала, будто подбирая слова. На самом деле весь разговор был выстроен в ее голове уже почти сутки. – Мне всегда казалось, что «Восточный бестселлер» рассчитан на определенную публику и такого рода дамочки к этой публике не относятся. Видимо, я ошибалась.

Этого оказалось достаточным, чтобы Есипов задумался над тем, а так ли уж хорошо он представляет себе контингент своих читателей. Потом потребовалось еще несколько точно рассчитанных реплик, чтобы в его голове созрела идея анкетного опроса. И вот сегодня – живой результат в виде делового разговора с партнерами. Даже не верится, что всего неделю назад этих мыслей в голове у Кирилла не было. Их туда осторожно и умело вложила его молодая любовница – манекенщица Оксана.

* * *

В пасмурный дождливый день дневного света не хватало для работы, и практически с самого утра в кабинете горел электрический свет – люстра под потолком и настольная лампа, дающая дополнительное освещение клавиатуры компьютера. Соловьев любил такую мягкую теплую погоду, чуть сумрачную, зато лишенную глупой легкомысленной веселости.

Работа шла легко и, как обычно, приносила удовольствие. Он смотрел на листы рукописи, покрытые иероглифами и прикрепленные к специальному держателю на штативе, а пальцы его проворно бегали по клавиатуре, и на синем поле экрана возникали белые буквы, складывающиеся в текст захватывающего романа – боевика или триллера. Владимир Александрович испытывал необыкновенный творческий подъем, неожиданное появление в его жизни Анастасии повернуло мысли в новое русло, дало толчок рождению новых образов и идей. У него даже аппетит пропал – настолько увлекся он переводом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.